

ГАННА ШЕВЧЕНКО / МЁД
С КОРИЦЕЙ / ВЛАДИМИР ВУЕВ
книга стижотворений

18+

Владимир Був
Анна Шевченко
Мёд с корицей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69827314
SelfPub; 2023*

Аннотация

Сам автор называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Був, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Владимир Буев, Анна Шевченко Мёд с корицей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Буев появился в литературных салонах Москвы несколько лет назад – посещал презентации, творческие вечера, круглые столы. Он работает в сфере предпринимательства и финансов, поэзией ранее не интересовался, но внезапно, слушая стихи современных поэтов, ощутил в себе потребность откликаться на их произведения собственными стихами.

Сам он называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Буев, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Современное литературное сообщество сегодня испытывает большой кризис – авторы лишены читательского внимания, рецензий на свои книги, критических и литературоведческих замечаний. И потому такие активные читате-

ли, как Владимир Буев, сегодня на вес золота. За несколько лет пристального внимания к современной поэзии Владимир Буев опубликовал свои подборки в «Литературной газете», «Литературной России», газете «Истоки», журналах «Вторник», «ЛитеRRa Nova», «Камертон», на электронных порталах «Articulationproject.net» и «Textura.club», в альманахах «Vita» и «Ликбез». А откликов на любимых поэтов хватило на полноценный сборник. Эта книга – своего рода эксперимент, новая форма рефлексии нелитературного человека на литературное произведение.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Мне в детстве было многое дано:
тетрадь, фломастер, твердая подушка,
большая спальня, низкое окно,
донецкий воздух, угольная стружка.
Когда на подоконнике сидишь,
то терриконы сказочней и ближе.
Мне нравилась базальтовая тишь
и мертвый флюгер на соседней крыше.
А за полночь, сквозь шорох ковыля,
сквозь марево компрессорного воя,
подслушивать, как вертится Земля,
вращая шестеренками забоя.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Я необычной девочкой росла:
укладываясь к ночи среди подушек,
я втихаря с собой всегда брала
все типы угля в качестве игрушек.
Тетрадь, фломастер – как у всех детей,
но антрацит и кокс милей зверушек.
Во снах про террикон мне пел Орфей,
под утро пробуждалась я среди стружек.
Глаза открою – и к окну бегом
(не к зеркалу и даже не умыться!)
Шахтёрский с детства жил во мне геном.
...Мне и теперь компрессор ночью снится.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Москву от верха и до низа
набил рекламой Дед Мороз,
и кажется, что мир пронизан
жужжанием волшебных ос.
На площадях торговых полок
игрушки выстроились в ряд.

О, рощи пластиковых елок!
О, стаи плюшевых зверят!
Мы знаем, знаем, счастье рядом,
всяк к поздравлениям готов,
неси, Мороз, в мешке нарядном
здоровье, деньги и любовь!
Гирляндю электроемкой
прибрав квартиру до небес,
мы будем снова пить под елкой
и, словно дети, ждать чудес.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Зима в Москве, но не крестьянин
тут торжествует – быть беде!
Был Дед Мороз то ль филигранен,
то ль совершенно обалдел.
Что приволок с собой из дали
под новый год нам Дед Мороз?
Таких ли мы подарков ждали,
Как рои диких страшных ос?
Они жужжат, Москву пронзая.
Заполонили всё подряд:
И пластик ёлок облепляя,
и стаи плюшевых зверят.

Мешок уж пуст. А где же бабки?
А где любовь? Здоровье где?
Все – врассыпную без оглядки:
кусают осы. Быть беде!
Да Дед Мороз ли это, люди?
Иль засланный извне шпион?
Мы все так грезили о чуде,
а город тучей жал спалён!
Здоровья нет – теперь лечиться
(яд впрыснут в человечесю кровь),
С остатком денег распроститься
и веру потерять в любовь.
Не Дед Мороз, а Клаус Санта!
Не избежит и он потерь:
электроёмкою гирляндой
огреем, если стукнет в дверь.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Темнота уже близка,
звёзд за ободом несметно —
ночь в стакане молока
наступает незаметно,
а вверху под потолком
свет струится бледнолицый —

это ангел в молоко
добавляет мед с корицей
и мешает на весу
разнородные частицы,
быстро, словно колесу
больше не остановиться;
темнота неглубока,
и теперь уж на исходе
ночь в стакане молока
на ореховом комодe.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Ночь покапала в стакан
и сгустила краски жизни,
сыпанула звёзд в экран:
вид небес безукоризнен.
Стоит глянуть в потолок:
чу! там чёртик! так тревожно!
Только б он не уволок
молоко моё, безбожник!
Лапы в чёрных волосах
так и тянутся к стакану.
Что случилось?... Чёрт – в слезах!
Он голодный? Или... пьяный?

Не успев взойти, заря
не спасла продукт коровий:
на комоде... пузыря
нет – ушёл дурман из крови.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Строительство стеной обнесено,
у входа клен раскинулся, дряхлая,
посмотрит сторож в темное окно —
и вспомнит Канта или Галилея.
Он по ночам, как водится, не спит,
за ухо треплет рыжего котенка,
и слушает, как дом – растущий кит —
поет во сне пронзительно и тонко.
Он держит пистолет за рукоять,
ведь он один из сотен миллионов
постиг искусство – честно охранять
поющие дома микрорайонов.
Потухли звезды, ночь умерщвлена.
Охранник видит: цвета солидола
плывет над крышей полная луна,
и выпадает свет из-под подола.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Он прежде, видно, лекции читал
То ль в ПТУ, то ль в важном местном вузе.
Про Канта, правда, вряд ли что-то знал,
Но что слышал – так точно! Он не лузер.
Раз рядом клён, то есть и Галилей.
Коль клён одрях, без Канта – как без духа.
А впрочем, в этой стройке нет милей
Котёнка... после трёпки с рваным ухом.
Гнетут воспоминания о том,
Как в местных вузах провели реформу:
«Философов» отправили гуртом
Послушать песни строек в униформе.
Теперь и кит, и котик под рукой.
И стройку, и страну спасти возможно.
Вот и Луна – она-то здесь на кой?
С неё подол «философу» снять сложно.
И сторож, притомившись сторожить,
Одновременно думая о Канте,
Мечтает в этом доме сам пожить,
Как человек, поддавшись пропаганде.
Земля зарёй уже навещена —
Цвет солидола станет ночи пухом.
И здорово, что ночь умерщвлена,
А вовсе не котёнок с рваным ухом.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Невзрачный район, как помарка,
побелкой исправлен давно,
здесь пахнет вином и зажаркой
от послевоенных домов.

Здесь ветер гуляет по крышам,
чуть слышно гудят провода,
и в каждом строении рыжем
из крана выходит вода.

Живут здесь легко и без веры,
не парятся по мелочам,
но месседжи в высшие сферы
пытаются слать по ночам.

Ночная верхушка поселка
украшена теплой луной,
стоит новогодняя елка
на детской площадке одной.

Вода здесь выходит из крана
и в снег превращается, чтоб,
идущие из ресторана,
волхвы увидали сугроб,
площадку, скамейку, качели,
столбы, ледяное белье,

звезду на рождественской ели
и свет непрерывный ее.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Трущобы окраин рабочих
навряд ли побелка спасёт.
Дурманами тут заморочить
любого способен помёт.
Романтикой прёт не по-детски
из каменной щели любой.
Вот раут готовится светский,
но сорваны краны с водой.
Не жизнь, а малина. С чего бы
Царю челобитные бить?
Трущобы у них как трущобы.
Зачем же начальство дразнить?
Пусть смотрят себе в поднебесье
на дико кривящийся диск.
В предновогоднем замесе
лишь ель – мировой моды писк.
Поморщатся высшие сферы,
Прочтя в челобитных нытьё:
«Пускай поедают эклеры,
коль хлеба лишились! Хамьё!

Без дела царя беспокоят
в последний декабрьский денёк.
Пусть детскую горку построят,
скамейку, качели, мосток».
И свет на окраины свыше
(с начальственных морд) не пришёл.
Луна прогулялась по крышам —
и то для трущоб хорошо.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Все, переболевшие ковидом,
начинают верить в чудеса,
пандемию выдумал Овидий,
чтоб уединиться и писать.
Снег сегодня чист, как на картине,
даже под приступками аптек,
я вчера была на карантине,
но теперь свободный человек.
По земле все так же ходят люди
с полными пакетами и без,
стоит ли заботиться о чуде,
если воздух соткан из чудес.
Романист с улыбкой Эйс Вентуры
на витрине блещет красотой,

мне ж милей киты литературы —
Достоевский, Чехов и Толстой.
Закупила гору витаминов
и давай о будущем мечтать —
постарею, сяду у камина,
буду Карамазовых читать.
Три большие пламенные птицы
в облаках над городом кружат.
Выпить чаю? Сдохнуть? Удавиться?
Продержаться. Выстоять. Дышать.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Борются за первенство гиганты
(римские поэты-силачи)
не за то, чтоб в рифме стать талантом,
а чтоб людям порчу отмочить.
И Овидий, и Проперций с Галлом,
и Тибулл с Катуллом, и Лукан
разносили с видом разудалым
вирус, словно смерч и ураган.
Кто-то передал из них искусство,
дар, способность, гений, наконец,
той переболевшей в хлам, в капусту,
что взвалила бремени венец.

Той, кто понаевшись витаминов,
той, кто о грядущем став мечтать,
села, не стесняясь, у камина
«Братьев Карамазовых» писать.
Мир с войной и чудный сад вишнёвый
тоже непременно выдаст в свет
женщина, чьи щёчки в цвет пунцовый
выкрасил (в мороз) цветов букет.
Жизнь не только подвигом богата,
место чуду тоже в мире есть!
Змей Горыныч небеса просватал —
тоже римских шелкопёров месть.
Кто из римлян в рифме именитей,
Кто из них победой заблистал,
не в курсах, но версия – Овидий
в пандемию гениев создал.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Из фляги выпивши за здравие,
в своих шахтерках неизменных,
устало шаркая по гравию,
идут рабочие со смены.
Они идут, черны и дюжинны,
бросая касками зарницы —

их дома ждут, готовя ужины,
бухгалтерши и продавщицы.
Ложится справа поле пыльное,
а слева балка слюдяная,
и небо грубое, двужильное,
светлеет, звезды пеленая.
Шахтер – основа мироздания.
И террикон, как черепаха,
застыл в режиме ожидания
за остановкой Красный Пахарь.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Минули времена мятежные
Сто лет назад. И вдруг сегодня
Идут шахтёры. Неизбежное
Опять в России стало модно?
В их лицах кроется решительность.
Трезвы, хоть хряпнули за здоровье.
И придаёт им убедительность
Шуршанье под ногами гравия.
Шагают в ногу, как товарищи,
И смело, укрепляясь духом.
Неужто новые пожарища,
А в государстве – заваруха?

А дома ждут их благоверные
И дети: мал, мала да меньше.
Ужель условия прескверные?
Несчастных косит голод женщин?
В глаза красоты бьют природные:
То балки, то поля тучнеют,
То небеса неоднородные —
Ночные звёзды днём наглеют.
Секрета нет: не в революцию
Идут шахтёры напрямик.
Не за поправки в Конституцию —
Шахтёры валят на пикник.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Ночи стали темными и длинными,
солнце опустилось за паром,
воздух, переполненный дельфинами,
отдает водой и серебром.
Папоротник светится сквозь толщу
из-за тучи видимый на треть —
нужно быть внимательней и проще,
чтобы звезды в небе рассмотреть.
Чем светлей, тем делается ближе
запах бузины и чабреца,

лирика галактиками движет
и не останавливается.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Всё за два смешалось полугодия,
словно в дом Облонских я зашла:
папоротник – лета плодородие,
но его зимой я обрела.

В курсе я, что длинными бывают
только ночи тёмные зимой,
папоротник летом прорастает,
если он, конечно, плод земной.
Но поэты могут быть и проще,
в звёзды углубляясь допоздна.
Там любое время маломощно:
Грядка, дядька, Киев, бузина...

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Легко, грациозно, спокойно
скользила вода по реке,
вдали проседали постройки,
звезда куковала в руке.

Луна задевала деревья,
хрусталь на пригорок лила,
и сыпались, как ожерелья,
в траву километры тепла.
На взгорке, похожем на пиццу,
туманы рождали тоску,
а я все стояла и птицу
держала поближе к виску.
Но вдруг изменилась картина —
садовый осот почернел,
и стала прибрежная тина
похожа на длинных червей.
Морозы с железной сноровкой
в пространство метали ножи,
на шею легла, как веревка,
зима – горловина души.
Буран разыгрался, некстати,
дорожные звуки глуша,
и снег, словно мертвый предатель,
повсюду лежал и лежал.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Сама себе я кормщик умный,
И на челне плыву одна.

Вокруг скользит туман бесшумный
Вода красотами полна.
Звезда в руке кукует млечно
(Подарок Млечного пути).
И с верой я пою беспечно,
Природным внемля ассорти.
Хрусталь на берег льётся щедро —
То света лунного пучки.
Жара струится кубометром,
Из пицц колдуя бугорки.
С небес был подан знак девице:
Не надо, мол, впадать в тоску —
Звезда в ладони стала птицей.
Я поднесла ее к виску.
Но что случилось? Красоту
Измаял с налёта вихорь шумный,
Мороз ударил за версту.
Мой взгляд становится безумным.
Штормило. Молния сверкала.
На берег швырнуло меня.
Но тут не холмики, а скалы.
Не скалы, а сама броня!
Какая разница: одна ли
Или с пловцами на челне
Плыла бы я в чужие дали
В своё далёкое турне?

Какая разница: себе ли
Я гимны пела на корме
Иль рядом спутники сидели,
В Сибирь готовясь и к тюрьме.
Конец похож: сырую ризу
Сушу одна я под скалой.
И плещет с гор, спускаясь книзу
Мороз и воздух ледяной.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Глинтвейна горячего мне бы,
повсюду крепчает мороз —
дорога от дома до неба,
увы, не из розовых роз.
В фейсбуке воюют, наверно,
сторонники разных систем,
а я человек постмодерна,
не верю ни этим, ни тем.
Когда-нибудь грянет суббота,
часам начинаю отсчет —
давай, дядя Ваня, работать
покуда мы живы еще.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Друг Чехов, пиши пьесы снова.
Я новых имён подскажу!
Уверена, что «Дядя Вова»
Крутому даст старт тиражу.
Куда ж все, мне равные, делись?
Их души на свете ином.
Эпохи абсурдов приелись —
Обман между явью и сном.
Глинтвейна Антону накапать
В цветочных из роз номерах.
А выпивши, пьеску сострять
На пару. Конечно, в стихах.
Мечтаю лишь с теми общаться,
Кому я смогу доверять.
Но некем теперь вдохновляться,
И некого вдохновлять.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Мой быт прекрасен: лампа, маховик,
перчатки, нос поломанной точильни,
короткой батареи змеевик,
две крышки, мясорубка, холодильник.

Я наблюдатель: круг сковороды
очерчивает темные пределы,
идет из крана линия воды,
стоят в сушилке чашки пустотелы,
три вилки, параллельные черте
стола, символизируют беспечность,
две брошенные крышки на плите,
сливаясь, образуют бесконечность.
Пишу об этом из таких низин,
что ниже только черви и соседи,
стоянка, продуктовый магазин,
поребрики, столбы, электросети.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Мой быт прекрасен: снизу мне стучат
Соседи из котла (в глубинах ада).
Я знаю, что им хуже: маловат
Котёл. Ну, а в моём гнезде – отрада.
Со мною холодильник, змеевик,
Точильня вкупе с музой из Парнаса.
Две крышки и какой-то маховик,
Который машет крыльями Пегаса.
Да и других вещей невпроворот:
Перчатки, мясорубка, сковородка.

Крылатый конь берёт их в оборот,
А муза лихо шлёт в санобработку.
В санобработке тон всем задают
Машинка моечная и стиралка.
Три вилки обижаются, орут:
– Нас вымоют? Для нас воды не жалко?
А снизу снова постучали мне.
Не лампу зажигаю, а лампаду.
Хотела посидеть я при луне,
А мне из днища напустили ада.
Коль есть такие, кто попал в котёл,
Такие, кто меня несчастней даже,
То классно! Символический глагол
О радостях души моей расскажет.
Пусть не увидят из своих низин
Все эти черви, крысы и соседи,
стоянку, продуктовый магазин,
поребриков, столбов, электросетей.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Циклон, недобрая подушка,
плывет по небу, как паром,
еще немного и старушку
студент ударит топором.

Россия – снежная держава,
печальных мыслей колыбель,
как говорил Акутагава,
свободен – чухай в Коктебель.
Синдром земного постояльца —
боль, затаенная внутри —
крепись, держи себя за яйца,
не верь, не бойся, не ори.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

В России море баб, чьи руки
коней ловили на скаку.
В огонь избушек в жутких муках
их ноги шли чрез «не могу».
Но чтобы бабы били бабок?
Да чтобы острым топором?
О небо! День сегодня зябок —
циклон на небе, как паром!
И чтобы бабы яйца жали
себе, а не мужьям своим?
И не куриные? Скрижальям
не ведом срам сей мировым!
Конечно, если жать за яйца
прекрасных дев, то ора нет!

Синдром земного постояльца:
без боли – страхам всем привет.
Пороки к нам принёс в державу
японский не городской.
Всё жаждал оный русской славы,
как Достоевский рядовой.
Всем в Коктебель пора отчухать
и правду сущую признать,
аллегоричность всю пронюхать,
и миру мир иносказать.
Аллюзий – море в мире русском:
ведь «бабе с яйцами» родня
и та, что в пламя – как в кутузку,
и та, что тормозит коня.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Возьми меня в ладонь и вознеси,
я высоты бояться перестала.
Подай мне перелётное такси
как милостыню у вокзала.
Над головой сияет синева,
на буквы распадается курсивом.
Я много лет сдавала на права,
но получила донорскую ксиву.

Чем больше дар, тем сумка тяжелей,
а я давно несу без остановки.
Возьми меня в ладонь и пожалей,
врисуй под кожу, как татуировку.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Билет мне подари, Аэрофлот!
Я и Люфт Ганзой ввысь взлететь согласна.
Не милостей прошу – наоборот.
Я быть к подачкам не хочу причастной.
Желаю я всего лишь полетать.
Не убежать, не стать иноагентом —
Нет смысла мне такое предлагать.
Мне мутные чужды эксперименты.
Не прятала активы за кордон
(Ведь нет их у меня, давайте честно).
Лишь в том всегда я видела резон,
Что кровь отчизне отдавать уместно.
И на права я тоже ей сдала,
Во всех правах страна мне отказала.
На спину лишний груз? Вот это – да.
Тату и нар по счастью избежала.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Пыли дорожной нечистые танцы,
слева подсолнухи, справа картофель,
я позабыла название станций —
помнится шахты египетский профиль.
Помню, что воздух полынный был горек,
простыни в крошечке угольной пыли,
крышу сарая, и маленький дворик,
где мы белье по субботам сушили.
Помню подвал, и на полках — бутылки,
мусорник, старую каменоломню,
место роддома, который закрыли,
а вот причину рожденья — не помню.
Помню в окне своего кабинета
обруч копра, исполняющий сальто,
щелкали счеты, вращалась планета,
и не сходилось конечное сальдо.
Дальнее время, начало начала,
стертые знаки забытого мига,
необратимость того, что умчалось,
но отразилось в бухгалтерской книге.
Так и живу по привычке, иначе
мир не докажет свое постоянство.
Все мы наполнены космосом, значит
я говорю не в пустое пространство.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Я обо всём папу с мамой спросила.
В детстве сама я немало видала:
шахты и уголь, рабочую силу,
крышу сарая, бельё, даже сало,
мусорник, двор и бутылки горилки,
слева подсолнухи, справа картофель.
В мир же явил себя не на подстилке,
а на кушетке роддома мой профиль.
Предки мне этот роддом показали.
Внутри на экскурсию даже сводили.
Напрочь вопрос прояснить отказали,
как и зачем они дочку родили.
Так и живу я, ответа не зная,
Мучаюсь, сидя в своём кабинете.
В мыслях об этом – туманность сплошная.
В поисках мыслью брожу по планете!
Люди в округе счастливые ходят:
Этим вопросом себя не изводят.
В детстве им предки ответ подсказали,
как и зачем они деток рожали.
В поисках знания я докопалась
Даже до старой бухгалтерской книги.

Космосом книга сия оказалась,
в ней не понять нифига, кроме фиги.
Так и осталась одна я в пространстве
(пусть не в пустом, а из множества хлама),
кто не узнал о былом хулиганстве:
как и зачем родила меня мама.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Звук непонятный, оркестровый
ползет по улице ночной,
мир на пороге катастрофы,
а мы в палатке овощной
скупаем яблоки и груши
на сотню тысяч лет вперед.
О, это звук, влетевший в уши
и перекрывший кислород.
Какие дивные фактуры
мелькают в сводке новостей,
жаль, я фанат литературы,
а не общественных страстей.
Запретный плод – такая малость —
модель познания Земли,
а сколько нам еще осталось,
не знает даже Аттали.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Про Аттали однажды я узнала.
Мне стало интересно – я прочла.
Впитав идеи, их в статью загнала¹
И с личными стихами сопрягла.
А тут ещё фактуры привалило:
Из каждого земного утюга
Общественная страсть ключом забила
(Навальный с темой царского дворца).
Галактика готова развалиться
(Оркестр играет похоронный марш) —
Её спасать мне надо торопиться.
...Но вдруг передо мной встаёт торгаш.
В себя пришла и поняла: в палатке
Сама среди груш и яблок я стою.
Я замерла в одной крутой догадке:
Быть может, подложили мне свинью?
На входе – «Овощи», ни буквой больше.
А я тут кучу фруктов нагребла.
Модель земного шара ясно тоньше
(Был дома глобус – не уберегла).
В висках опять стучит: плодом запретным
Не груша, а лишь яблоко звалось.

Да! Смысл содержал в себе конкретный
Лишь образ яблока... Тут не срослось.
Литература лишь авторитетна!
И тонны груш не влезут в хилый воз
(Не существует груш новозаветных),
И Аттали для мира – не Христос...

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

В банке сказали: возьмёте монету
сильно не трите, водите легко,
там под полоскою серого цвета
вы обнаружите новый пин-код.
Вышла из банка. На детских качелях
мальчик качался, скрипели болты,
рядом в «Харчевне» чиновники ели,
терли салфетками жирные рты.
Птицы летели, собаки бежали,
дворники метлами землю скребли.
Вписаны эти мгновенья в скрижали,
или же в ливневый сток утекли?
Город как город. Сроднился с планетой.
Город-инфекция. Город-налет.
Если стереть его крупной монетой,
взгляду откроется новый пин-код.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Разбогатела я, выйдя из банка,
Выдали ломаный там мне медяк
И подсказали, что, мол, россиянка,
Грош этот не для похода в кабак:
– Эта монета с особенным свойством.
Если найдёте полоску на нём,
Трите! Однако слегка, без геройства,
А руководствуясь женским чутьём...
Тру я теперь по утрам и в обеды,
По вечерам, а порой и в ночи.
Я терпелива, я не привереда.
Не выдаётся пин-код, хоть кричи.

Может, мне ложную дали монету?
Я на деньге полосы не нашла:
Аверс и реверс похожего цвета,
Чувствую, скоро натру добела.
Серого нет... Я пойду прогуляться.
Может, вложиться монетой в обед?
По дорогим ресторанам пошляться?
Ба! Там уже мой банкир-мироед.
Я увидала его чрез окошко.

С другом-чиновником в глотку пихал
То ли гуся, то ль куриную ножку —
Жирной рукой (но не мне) помахал.
Впрочем, меня в ресторан не впустили,
Стоило только швейцару взглянуть
На медячок... Тут таких не кормили.
Да и банкир мой успел ускользнуть.
Боже, какая вокруг красотища!
Птички летают и песни поют.
Пёсики бегают, дворники рыщут,
И заодно и асфальты скребут.
Город с пин-кодом и не отвертеться.
Город-инфекция. Город-налёт.
Стоит, не жмурясь, вокруг оглядеться,
Прёт отовсюду, маячит пин-код.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

О траве и о детях

я над землею
на самом высоком
живу на каком-то
самом последнем
выше лишь балки
чердачных подпорок

пусть – маломерка
пускай без балкона
но все-таки небо
темное темное
ночью такое
что хочется плакать
хочется думать
о чем-то простом
о траве и о детях
что еще делать
когда проживаешь
на самом последнем

ВЛАДИМИР БУЕВ

Тоже о траве и о детях

время однако
пришло реноваций
сносить будут много
очень надеюсь
что новую хату
смогу получить я
мне надоело
смотреть прямо в небо
и жить без балкона

крохотна комната
негде поставить
кроватьку с коляской
хочется деток
приходится думать
о травах однако
что ещё делать
когда реноваций
тебе не дожидаться

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Это муж мой, он тысячу лет
меня лямкой жалеет,
надевает железный браслет
и ведёт к батарее,
это снова какой-нибудь он
восседает на муле,
он устал, он ведёт легион
электрических стульев —
бородач, воскрешённый старик,
басурман горбоносый,
я жена твоя, вот мой парик,
оторви мои косы —
это сон о прохладе ручья

тишину обнажает,
потому что я ночью ничья —
ни своя, ни чужая.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Дома у нас домостроя гнёт.
Впрочем, бывает хуже.
Муж мой садист, меня вечно бьёт.
Я всегда безоружна.
Вдруг в батареею лицом уткнёт,
вилку в розетку включит:
ток электрический сунет в рот.
Целыми днями мучит.
Мне б развестись или в суд подать,
иль настучать в ментовку.
Сколько ещё предстоит страдать,
сил не сменив расстановку?
Косы мне муж-басурман дерёт.
Я ему позволяю.
Душу секретный мотив грызёт:
жизни такой желаю.
Я не его, а сама своя.
Радую мир тишиною.
Муж мой – садист, мазохистка я.

И потому не вою.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Городские сезоны приходят вразброс,
подмосковным властям потакая,
атрибуты зимы – реагент и мороз,
а в руке карамель ледяная.

На неоновых вывесках новый завет —
боги шлют распродажи и скидки,
это поиски счастья, которого нет
ни в одной безлимитной кредитке.

Вот поэтому хочется выйти во двор
и вдохнуть отраженного света,
чтобы рухнуло небо, как ржавый топор,
на скамью муниципалитета.

Вот поэтому снег, глянцеват и медов,
одеялом лежит златотканым,
слово «вечность» сложилось из теплых носков
в темноте, на полу, под диваном.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Год не двенадцатый, а первый.

Вернее, двадцать первый год.
Но там, и сям играли нервы.
Но там, и сям вставал народ.
Два века спутать невозможно:
век девятнадцатый – одно
(была столица бездорожна);
век двадцать первый – всё не то.
Французы до сих пор икают,
но вот сегодняшний мороз
московской власти потакает:
на реагенты вырос спрос.
Вот потому-то снег медовый
и глянцеватый, как журнал.
...Пока зима. Уже готовы
бордюры к лету... Не финал.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Слоняясь по жизни, по тесным квартирам,
таская грешки в багаже,
себя как предмет наблюдений за миром
рассматривать скучно уже.
А дождь интересно рассматривать. Выйдешь,
бывает, и смотришь на дождь,
туда, где водою содеянный кипеж

не выстелешь, не зачерпнешь.
Забыться бы напрочь, предаться бы лени,
все листики перелистать,
зарыться бы носом в охапку сирени
и розовым воздухом стать.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Себя рассмотрела я всю до песчинки
То лупою, то в микроскоп:
до каждой пылинки, росинки, личинки.
...Мне также помог телескоп.
Себя я до Хиггса бозона ударно
кромсала. Молчу о других
частицах невидимых элементарных:
стабильных и куче иных.
Но нет же, Нарциссом я вовсе не стала.
Нарциссикой? Тоже не путь.
Свою наблюдательность я развивала,
постичь чтобы самую суть.
Пусть трещинки на восхитительном теле
Впечатались в память мою,
я вдруг заскучала... Дожди зашумели.
Как вовремя! Их рассмотрю.
Дожди гармонируют с познанным телом

(у всех в багаже есть грешки).

Вот только сегодня совсем оголтело
клепает дождь в лужах стежки.

Содеянный кипеж мне тело улучшит,
Я воздухом стала сейчас.

Я – запах сирени, который удушит
всех тех, кто не верит в рассказ.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Автомобиль сигналит. Слышатся звуки рэпа,
как из консервной банки, в которой взбесилась рыба.

Сверху простое небо из голубого крепа
и облака, как горы, или, верней, как глыбы.

Улица, выпрямляясь, между домами тонет,
сбрасывает осадок, скапливает целебность,
плещется, как в бокале, в выстрадавшем бетоне.

Улица – это нежность, внутренняя потребность
выйти, пройти по кромке, встать, просочиться мимо,
сесть на скамейку с книгой, сблизиться с тротуаром.

Я не пойму причины, это необъяснимо,
планы осмыслить город кончились бы провалом.

Стало быть, наблюдаю, мыслей отбросив сетку,
сбросив соображений драное полотно,
как, домофоном пикнув, входит моя соседка,

как через три минуты вспыхивает окно.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Автомобили ездят, людям гулять мешают.

Хуже всего, что громко гадостный рэп включают.

Рада бы слушать Баха, Листа или Вивальди,

Верди, вот только с рэпом вы от меня отстаньте.

Моцарт, Стравинский, Шуберт, Шуман, Шопен, Чайковский —

этих готова слушать даже сейчас чертовски.

Катят автомобили, не разбирая шляхов.

Прямо по тротуару с шумным крутым размахом.

Улица вьётся змейкой, много домов вдоль змейки.

Если бежать быстрее, можно найти лазейки.

Стала совсем родною улица под домами.

Станут дома моими с внутренними дворами.

Я пригнала к подъезду. Мне помогла лазейка.

Рекомендует с книгой сблизиться мне скамейка.

Я открываю книгу. Глаз мой-алмаз – серёдка!

Тут побывала рыба, если точнее – селёдка.

Планы осмыслить город стали сплошным провалом:

чтоб завернуть селедку, я б обошлась журналом.

Вот подошла соседка. Этой известна тайна:

рыба скакала в доме – книга и стала крайней.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Приближается снег —
неугодный, бесспорный и резкий,
красота – это смех;
что сказал бы о нём Достоевский?
Небосвод голубой
растворился в сугробах, а значит,
посмеемся с тобой;
посмеемся, а после поплачем,
а потом помолчим,
наблюдая симптомы болезни,
космос неизлечим —
снегопады от боли облезли,
оттого что во сне
я несу тебе нежность кротовью,
и пораненный снег
заливаю, как йодом, любовью.
Потому что зима,
потому что не выдали лета,
потому что сама
в этот каменный панцирь одета.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Достоевский сказал...
Впрочем, он бы сказал и другое.
Он бы всем написал,
что событие «снег» – рядовое,
что не только весь мир,
но себя не спасёт снег весною,
посему дезертир,
и не станет для неба мечтою.
Небосвод голубой
морем красок ещё помаячит,
посмеёмся с тобой;
посмеёмся – а значит, поплачем
над судьбою снегов,
разболевшихся, кожей облезших.
Год пройдёт без стихов —
мы увидим их снова воскресших.
Между зимами всем
обязательно выдадут лето.
В нём гулять без проблем
можно голым, но можно одетым.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Погода ни на что не повлияла —
не рухнул дом, не смыло тополя;
верблюжий дождь похож на одеяло,
которым укрывается земля.

Недалеко от облачного слепка,
под солнцем, над заводами, внизу,
ворона, мимолетная прищепка,
промокший воздух держит на весу.
Водой богато место у карниза,
но быстро уменьшается моток —
двугорбый ливень, шелковый и сизый,
уже пройдёт в игольный водосток.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Верблюды дождь в пустыне обожают:
бредут в песках. Мелькают миражи.
Двугорбые прекрасно понимают,
что у дождей различны типажи.
Пескам пустынь не привыкать к засушьям.
Верблюды, однако, дождь не всякий чтит,
а тот, что заслужил побыть верблюжьим —
лишь он в двугорбом счастье пробудит.
Иные виды ливней и осадков
не трогают верблюдов ни на грош.

Животные горды и для порядка
лишь сплюнут, но не начудят дебош.
Какой же дождь является верблюжьим?
Не тот, что в слякоть превратит песок.
А тот, что воздух, как холодным душем,
промокшим сделает, лупя наискосок.
Такой, который мягким одеялом
двугорбого укроет с головой,
который цветом сизый, а не алый,
наощупь – шёлк, разбавленный водой.
И чтобы выйти, наконец, в верблюжьи
двугорбым ливнем дождь обязан стать.
...Дом при такой погоде был контужен,
а тополя пришлось потом срубить.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Ощутив себя в ячейке
временного промежутка,
я сидела на скамейке
и ждала свою маршрутку.
Словно брошенные стразы
окна ерзали огнями —
я обдумывала фразы,
что звучали между нами.

Городская суматоха
вобрала меня всецело,
мне сначала было плохо,
но потом похорошело.
Мне и вправду стало легче
возле зарослей левкоя,
потому что время лечит,
даже краткое такое.
Вскоре выкатился глобус,
над водой большого пруда,
а потом пришел автобус
и увез меня оттуда.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Я сидела и болтала
не ногами, а устами.
Я с собою обсуждала
и делилася мечтами.
На скамейке восседая,
Я обдумывала фразы:
вот нужна тут запятая,
тут не клеится, зараза.
Я обдумывала фразы,
чтоб саму себя уверить,

в том, что окна – это стразы,
и самой себе поверить.

Каждый чих могу прославить:
хорошо мне или плохо.

Может душу продырявить
городская суматоха.

Вдруг внезапно понимаю:
не с собой веду беседу,
а что с окнами болтаю,
как с подругой иль с соседом.

Мне сначала поплохело,
а потом похорошело.

Время в молодости лечит
(стариков оно калечит).

Должен быть счастливым глобус:
наконец пришёл автобус.

Год прошёл, как сон пустой —
я автобус жду другой.

Я жила себе, жила,
а потом я умерла.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Времени бег несносен,
выйдешь из дома ночью —

хлынула горлом осень
из тишины сорочьей.
Ауди у газона
воет как та белуга,
люди внутри салона
слушают Мишу Круга.
А ведь недавно, часом
ранее псом юлило
лето, свиное мясо
на шампурах дымило,
хлопал заряд в салюте,
и пузыри пивные.
Кажется мне, что люди —
это огни ночные,
часть одного проекта,
знак одного недуга —
вымрут однажды те, кто
слушают Мишу Круга.
Явится утро ранне-
желтое листовое.
Годы уходят, а не
время, как таковое.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Только успел родиться,
вот и уже в могиле.
Средства, чтоб сохраниться,
не существует в мире.
Время пока невинно —
ауди подорвалась:
тронулась с места чинно.
Бац — и в меня вписалась.
Хлынула горлом осень.
Круг заиграл по кругу —
сразу мне стал несносен:
воет, как та белуга.
Следом за Кругом Мишей
марш церемониальный
траурный старый слышу.
Боже! Как аморально!
Явится утром ранним —
жёлтым всё то, что снилось.
Годы теперь в тумане.
Время остановилось.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Хочется вслепую, коридорами,
тихий путь проделывать, но вот:

магазины пахнут помидорами
и летит по небу самолёт.
Умереть? Рассыпаться? Раскаяться?
Выпить водки? Песню сочинить?
Самолёт на землю опускается,
тянет сверху солнечную нить.
Городок высокий, как поэзия,
поднимает к небу корпуса.
Как по мне, так это не профессия —
столбиком банальности писать.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Хочется в богатстве жить царицею.
Впрочем, нет! Владычицей морской!
Но опять затеян с продавщицею
спор о помидорине гнилой.
Магазины пахнут помидорами
все без исключения с этих пор,
даже те, кто торг ведёт фарфорами,
или сделал на декор упор.
Как от смрада помидор избавиться?
Он уже и дома в ноздри бьёт.
Умереть? Рассыпаться? Раскаяться?
Водку кушать сутки напролёт?

Выбор сделан: я решаю каяться,
Небеса молю – Господь поймёт.
Вот и новый повод, чтоб отчаяться:
в небе тянет нити самолёт.
Так хочу из тухлой помидорины
вылепить конфетку и стихи.
Чакры, к сожалению, зашторены.
В столбиках – банальности одни.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Пока зима над улицами кружится,
обзавелась я истиной простой —
однажды эта матрица обрушится
и станет достоевской красотой.
Представьте: ни березки, ни величия —
одна лишь мировая пустота,
лишь гроздь рябины виснет для приличия
на ветке неразумного куста.
Измятыми, кровавыми туристами
взорвутся мегаполисы вот-вот,
и глобалисты с антиглобалистами
солятся в задушевный хоровод.
Затворники сомкнутся с Шестипалыми
и будут космос крылышками длить,

и даже коммунистам с либералами
однажды будет нечего делить.

Мы превратимся в шарики из лития —
предсказывать, такая скука, бл*ть!

Поэзия – не повод для соития,
поэзия должна объединять.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Сислибам с коммунистами системными
уж нечего делить десятков лет.

Ворами все являются туземными:
всосались в нефтегазовый бюджет.

Ругаются они скорей для публики,
Бюджет сумел ребят объединить.

Все в курсе: не у них дыра от бублика.

Привыкли сообща бюджет пилить.

Одни сидят в Минфине, в департаментах,
где цель – за экономикой смотреть.

Другие – в губернаторах, в парламентах;
к ГосДуме получилось прикипеть.

Пелевины ни с кем не станут ссориться,
а тихо-мирно отойдут в астрал.

У этих без скандалов дело спорится,
в затылок лишь бы Быков не дышал.

Объединиться все хотят. Без мордобития,
без Латвий, без России чтобы жить
Единым человеческим общежитием —
бюджет хотят всем скопом подоить.
Основы мира рухнут — так прокаркаю.
Спасётся красотой мир опять.
Сольются все со всеми лавой жаркою.
Пустым святому месту не бывать.
Не виновата я в таком развитии.
Мечтаю (чур, меня не материть!):
чтоб слились все в одном большом соитии.
...Поэзию ли в оргиях винить?

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Отползает в сторону куда-то
день тягучий, словно пастила,
в огороде брошена лопата
и другие важные дела.
Завтра будет ветреней и суше,
а сейчас, в закатном серебре
медленно плывут святые груши,
нимбами красуясь при дворе.
Травы за сараями примяты
оттого, что встретили пчелу

дикие, ушастые котята
в мусоре, оставленном в углу.
И теперь не то, что подорожник,
чистотел лежит, как заводной
и идти, поэтому, несложно
к крану за поливочной водой.
Хорошо здесь. Солнце как пружина
стягивает свет за тополя
и встаёт над точкою зажима
мертвенная, лунная петля.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Во дворе у дома красоваться
не сравнимо с тем, что при дворе
с тамошнею публикой общаться.
Царский терем не ровня дыре.
Груши могут путь удобный выбрать:
плыть на юг, на север иль восток
(с Западом опасны эти игры).
Но святые груши? Это – шок.
Как сумели души погрузиться
в груши, расплескав своё нутро?
...Завтра будет суше: обратится
золотом червонным серебром.

Вот просохну – нимбы растекутся.
С груш стекут текучей пастилой.
Дикие котята разбегутся,
будучи ужалены пчелой.
Утро тёмной ночи мудренее,
вечера – тем паче. Ветерок
утром выгладит лицо нежнее,
нежели вечерний посошок.
Я шагну к поливочному крану,
литра два волью в себя воды.
Небо ало – всё теперь по плану.
Жизнь прекрасна, нет в петле нужды.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

колышет воздух волны ветел
шуршит струной по всем ладам
чуть выше странствующий ветер
стучит по голым проводам
и чистота стоит в округе
как будто вылился эфир
как будто выполнил услуги
работник клининговых фирм
но нарушают диаграмму
косые стайки воробьих

они разыгрывают драму
мужей чирикают своих
над воробьями суд верховен
им в прокуроры будет зван
один лишь Людвиг ван Бетховен
один Бетховен Людвиг ван

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Работник клининга сегодня
округу чистил поутру.
Отмыл он в небе лик Господний,
Почистил и зажѐг зарю.
Ему задание дал начальник:
Мол, экологию спасай,
эфир загажен, как свинарник,
ступай, природу возрождай.
Но с воробьями сам не сладил
работник клининговых фирм.
Он столько сил на них потратил —
всѐ без толку, молчит эфир.
Он от художественных свистов
вконец охрип, стал уставать.
На субподряд специалиста
решил для верности позвать.

Пришлось работнику изрядно
карман свой жалкий растрясти.
Бетховен мастер хоть и знатный,
но дорог, мог не снизойти.
Торг оказался неуместен.
Чтобы согласие получить,
пришлось не денежку отвесить,
а лжесвидетельством платить.
Бетховен ведь не просто мастер.
В петлицах. Бравый прокурор.
Он стаям намекнул на карцер —
и воробьиный спелся хор.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Стоят коралловые клёны,
проспекта линия пряма,
и город кажется влюблённым
в свои высокие дома.
Народу осенью несладко,
и здесь обходится не без
полубезумия осадков,
косноязычия небес.
Листва стекает понемногу,
но не берет меня хандра,

мне хорошо – я верю в Бога,
в победу света и добра.
Кустарник птицами забанен,
он сверху кажется литым,
как будто лично мэр Собянин
листву покрасил золотым.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Столица любит что повыше:
дома, деревья, небеса.
Влюбиться можно даже в крышу,
коль отказали тормоза.
Собянин рассадил по веткам
пернатых, по шесткам – сверчков.
И за одну лишь пятилетку
очистил город от ларьков.
В году менял по пять раз плитку
в местах одних и тех же мэр.
Он менеджер крутой и пряткий,
Всё было честно, без афер.
Листву теперь решил покрасить
во славу светлых добрых дел.
В нём куча разных ипостасей.
...Бордюры клал вчера, пострел.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Склеили из плоти и духа,
а потом ушли, обманули.
Если пуля свищет над ухом,
уклоняйся, детка, от пули.
Выглянешь на улицу – ветер
гонит на убой самолёты,
направляйся, детка, на север
к леммингам, песцам и койотам.
Угол наклона оси
изменился. Тронулась суша.
А медведей, детка, не бойся,
человек страшнее и хуже.
Наши шкуры – верх дешевизны,
удаляйся, жми на педали,
этот мир опасен для жизни,
но другого не предлагали.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Я могу бесценных советов
надавать и взрослым, и детям.

Если бьют тебя как поэта,
значит, стоит спеться дуэтом.
Если бьют кастетом, то надо
убежать иль пулей ответить.
Если полетела граната,
главное – штаны не пометить.
Если же ядрёную бомбу
(ядерная – ох как ядрёна)
в небе зришь, то и в катакомбах
не спасись железобетонных.
Потому готовиться нужно
загодя и тщательно очень:
пусть не встретит Север радушно,
шанс ещё пожить правомочен.
Так вперёд на северный полюс
к леммингам, песцам и койотам.
Пусть там не цветёт гладиолус,
Но туда летят вертолёты.
Взрослые и дети, спасайтесь,
кто как может и кто не может.
...А советов глупых чурайтесь,
даже если я их умножу.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

Мы брали снег и делали огонь,
но нам сказали, ждите, будет осень,
на пустыре, похожем на ладонь,
сегодня, возле виселицы, в восемь.
Мы так решили: встанем и пойдём,
посмотрим, для кого она желтела,
среди травы, исколотой дождём,
найдем её измученное тело
и воскресим. Пусть радость чистоты
красивых женщин, что на распродаже
себе купили новые зонты,
но ими не воспользовались даже,
пусть эта радость капает с крыльца
на острова засушенных газонов,
на двери, на улыбку без лица,
на улицы повешенных сезонов.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Огонь не крали, словно Прометей,
но делали они его из снега.
Мошенники, стяжавшие люлей?
Волшебники из сказочного века?
Им заявили: осень только будет,
её дождитесь, в прошлое – ни-ни!

Они, решив, что с ними просто шутят,
под снег свои впихнули пятерни.
Листвы пожухлой отыскать хотели,
чтоб, лето пропустивши, оживить
труп осени (без марта и апреля,
без мая). Воскреся – крестить.
Мудрили с мертвецом без маски
Волшебники. И тут явились
«Двенадцать месяцев». Как в сказке.
Зонты подснежником раскрылись.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Медлительно, как древняя пирога,
боками дымноватыми алея,
плывёт рассвет. Окраина. Дорога.
Век двадцать первый. Эра Водолея.
Земля нетленна, густонаселённа,
над ней столбы застыли часовые,
внутри двора от тополя до клёна
натянуты верёвки бельевые.
Поэзия закончилась. Ни песню
не сочинишь, ни горестную оду.
Лишь изморось над крышами, хоть тресни,
да санкции на зимнюю погоду.

Мой дом выходит окнами на небо —
я на него смотреть предпочитаю,
но Бог давненько в наших сферах не был,
здесь Докинза архангелы читают.
Вот и лежу в миру материальном,
смотрю из незаправленной кровати,
на то, что оказалось идеальным:
косяк двери, розетку, выключатель.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Что вижу, то пою. Чего не вижу,
О том я тоже песню сочиню.
Поэзия отыщет свою нишу,
Хоть оды не живут в моём меню.
«Ходил большой тайга» я тут намерен
(ходила же, конечно, не ходил)
и землю наблюдала не в передней,
а в тех местах, в каких медведь бродил.
Я заблудилась, долго я металась
(вокруг сплошные ели, не аллеи),
но не отчаялась, в итоге оказалась
я на дороге... в зре Водолея.
И как так сразу в двадцать первом веке?
Ведь только что в глухой тайге бродила.

И вдруг верёвки, тополя, калеки.
Ой, нет калек – у атеистов сила.
Я по миру пошла... ой, нет, по миру:
в материальном есть определённости.
Я прозреваю, мозг не тихомирую:
В тайге какая ж густонаселённость?
Лежу в кровати, дальше прозреваю
косяк двери, розетку, выключатель.
Я не хочу в тайгу. Я оды знаю.
... Не всякой жизни хочет созерцатель.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Деревья раскачивал ветер,
дождило, шуршала листва,
что может быть лучше, чем эти
особенности естества.
Стучат полуночные оси,
заснуть бы сейчас под шумок,
но жизнь осмысления просит,
и кошкою трётся у ног.
Вот с неба сбежавшие воды,
а это гардина с пятном,
на червы из старой колоды
похожа листва за окном.

И вот потому, потому я
Брожу в долговязом плаще,
смотрю на листву поцелуя,
на тополь, на мир вообще.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

В болото жизнь меня не гонит,
ведь не жестянка жизнь моя.
и не поганка. Урезонит
любые хныканья кутья.
Хоть жизнь хвостом и не виляет,
но твёрдо держит хвост трубой.
Она мяукает (не лает),
Грустит, но дарит мне покой.
Грущу по-светлому. В округе
шуршит листва: дождит с небес.
Любые мрачные потуги
погибнут в зарослях словес.
В соседнем доме окна жолты,
по вечерам и по ночам
скрипят задумчивые болты,
сомкнуться не дают очам.
Картишки, плащик долговязый,
гардина – моему чутью

бананово-лимонных связей
недостаёт для сна в раю

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Смеркается. Встроенный в бок магазина
зеленым горит банкомат.

Над новым районом, над старой осиной
навис полосатый закат.

Шумливо, умышленно, слезоточаще,
стирая балконную тишь,

прощальные капли зимы уходящей
срываются с жалобных крыш.

Я горечь весны с удовольствием выпью —
теперь холода не страшны.

Дома бесконечны. Оранжевой сыпью
их панцири поражены.

И хочется с тем, кто разумней и злее
беседовать начистоту,

и хочется долго по мокрой аллее
идти и идти в темноту.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Район у нас нов, но осина – старушка.
Зелёный горит банкомат,
а возле него, словно на побегушках,
потомки Адама кружат.
Закат полосатый, прощальные капли,
оранжевый панцирь домов,
балконная тишь. Даже крыши одрябли,
прощаясь с остатком снегов.
Зима позади, и весенние краски
Желают поэта завлечь.
Но сумрак сгустился. Я сбросила маски
и музу могу поберечь.
Мой взор не стесняется больше стесняться:
теперь на зелёный косит.
Цвет зелени любит на доллар равняться:
то манит меня, то манит.
По мокрой аллее, пустынной и тёмной
(плевать на любой компромат)
я в сторону брошусь, где светом зелёным
Горит и манит банкомат.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Я проснулась на рассвете,
подошла к балкону, глядь —

обволакивает ветер
туч резиновую гладь.
Ночь – предмет аксессуара —
спала с ворота, и вот,
по неспешным тротуарам
путешествует народ.
Он идёт на автомате,
через площадь, напрямик,
но сегодня на закате
ночь поднимет воротник.
Шарф надену потеплее,
выйду, встроюсь в эпизод,
прогуляюсь по аллее,
я ведь тоже пешеход.
Есть погода, есть надежда,
есть фонарик на крыле,
лишь осенняя одежда
тянет тяжестью к земле.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Ночь – предмет аксессуара.
Вечер, утро, даже день.
Для прогулок и пиара
всё иное – дребедень.

В путешествиях нет смысла
на юга и на моря.

Тротуар – вот тут зависла
я, сама себя дуря.

Сколько мелких эпизодов
в путешествиях подчас
приключается с народом,
что хоть год кричи «Атас!»

В самый мелкий и забавный
втиснусь, встроюсь эпизод.

Ночь тогда со мной на равных
воротник поднять рискнёт.

Я увижу – нет надежды.

Сердце бьётся – просто жуть.

Шарф – тяжелая одежда:

Хочется в земле уснуть.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Берега рыжебокой Пахры
очертили неровности суши —
бесконечны речные миры,
неизменны рыбацкие души.

Под водой колыхаться луне,
зеленеть над водой хлорофиллу —

рыба, рыба, рождайся во мне,
я себя на крючок наживила.
Эта речь холодна и тиха,
уготована прозе, но снова
богомольная самка стиха
пожирает партнёра по слову.
Лейся, песня, до устья реки,
дотянись до глубин океана,
до коралловых чудищ морских,
до магнитного меридиана.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Мелкий царь неизвестной реки
(и не царь даже, просто царёк)
добивался девичьей руки.
Не был нужен такой муженёк.
Ожидая морского царя,
я царька от себя отмела,
но потом оказалось, что зря:
мне судьба и царя не дала.
Я теперь на речном берегу
одинокое толкусь при луне.
И зудит в воспалённом мозгу:
«Рыба, рыба, рождайся во мне».

Но в царьке зуд ко мне поутих:
не желает водиться со мной.
Мне кого-то из чудищ морских
предстоит оказаться женой.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Ореолом своим звенит,
источается светом лап —
это солнце ползет в зенит,
неуклюжее, словно краб.
Тонок каждый его сустав,
металлический панцирь бел —
мы ведь тоже войдем в состав
каталога небесных тел.
Оставляя дымящий шлейф,
как бессмысленный атрибут,
унесемся, преодолев
силу трения о судьбу.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Я не знала о том, что есть
у небесных тел каталог.

Так и села, прослышав весть,
но мой мозг получил толчок.
Я на солнечный диск гляжу,
и меня осеняет вдруг.
Это «вдруг», я вам доложу,
Скрасит даме любой досуг.
Значит, вот почему звенит
и ссыхается цветом лап
это солнце, ползя в зенит,
неуклюжее, словно краб.
Металлический панцирь свой,
каждый свой лучевой сустав
хочет солнце кривой тропой
в каталожный включить состав.
Почему же тропой кривой?
В каталоге же есть статья.
... Не о мёртвом речь – о живой,
ведь светило дневное – я!

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Как неуместен, слеп и зыбок
несется снег по пустырю —
я с высоты своих ошибок
на поле белое смотрю.

Сейчас, как в северном Китае,
дождям бы слиться в хоровод,
но снег идет, идет, не тает,
не тает, тает, но идет.

В кругу такого водевиля,
в сезон инфекций и простуд,
тебя как бабочку пришьют,
и выбор сделать не дадут;
и будешь дергаться, беспечно,
свое ругая острие —
жизнь коротка, а значит вечна,
и нет прекраснее ее.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Вот то ли дело как в Китае —
там дождь не то, что снег у нас.
Наш снег то тает, то не тает —
у них же пляшет дождь сейчас.
Дожди в Китае хороводят —
любого это вдохновит.
У нас же водевиль устроят
снега – глядеть на них стошнит.
У нас снег слеп и неуместен.
В Китае грациозен дождь,

изящен, лёгок и прелестен,
под ним вкус к жизни обретёшь.
Наш снег природе не сдаётся:
то тает, то не тает он.
Дождям в Китае удаётся
не лезть природе на рожон.
Наш снег – инфекция с простудой.
Китайский дождь – здоровья воз.
Дожди в Китае – это чудо.
Снега у нас – сплошной курьёз.
Какой же вывод безупречный
Из этих фраз фонтаном бьёт?
Жизнь коротка, а значит вечна,
(а бабочка за день помрёт).

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

По мягким полозьям вельвета
плывет, озаряя углы
невеста, продетая светом
в любовное ушко иглы.
Отец поцелует сердечно
в дизайнерский локон виска
и в море отпустит навечно.
Посмотрит с улыбкою, как

минуя нарядные лица,
плывет к ней ее водолаз,
с цветком в белоснежной петлице
с блестящими кошками глаз.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Худющая дева, как швабра,
(аж светится вся изнутри)
в фату белоснежную храбро
оделась, дождалась зари.
И после душевного шторма
любимого видит понты:
на нём водолазная форма,
а что же в руках? Не цветы.
В руках у него облаченье —
Второй водолазный костюм.
Какое тут скрыто значенье?
Здесь свежий мейнстрим или глум?
На то ли, что вместе в пучину
Грядёт погруженье, намёк?
Иль, что под простою личиной
Крутая натура, кивок?
Смущённый папашка коснётся
губами дочуриных щёк.

На занятость тут же сошлётся:
мол, я отлучусь на часок.
Отправится следом в изгнание,
жених (вот невесте тоска!),
оставив без тени вниманья
дизайнерский локон виска.
Куда же вы, как на молебны,
фанатики водных широт?
На дайвинг иль вызов служебный
(цейтнот водолазных работ)?
Оставим читателю место
Полёты фантазий явить.
Ответ уже знает невеста,
И ей ли об этом тужить!

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Очнулись фрагменты декора:
рябина, береза, сосна.
Еще не случилось, но скоро
на головы рухнет весна.
Продумано все – корнеплоды
и каждый мечтательный лист —
деревья для теплой погоды
готовит верховный стилист.

Я тоже в вопросах фасона
ему доверяю вполне,
и стану красивой персоной
с зеленым листом наравне.
И пусть он, очки поправляя,
заметит на фоне рябом,
как я по проспектам гуляю,
то в розовом, то в голубом.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Намеки люблю, экивоки.
Двусмысленность тоже в чести.
То в розовом вклинюсь в потоки,
То вдруг в голубом. Но чисты,
чисты мои мысли и думы.
Я вся в предвкушеньи весны:
вся в образах (это без глума)
рябины, берёзы, сосны.
Верховный стилист пусть считает,
что розовый – это грешно,
и что голубой принижает;
зелёный, мол, только не дно.
В подручных весна у Стилиста.
И мне намекает она,

что я в балахоне из листьев
зелёных была бы модна.
Упорная я. И втупую
опять настою на своём.
Пойду на дорогу большую
и в розовом, и в голубом.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Не так уж много нужно человеку:
квартира, чайник, быстрый Интернет.
В конце зимы достроили аптеку
и сдвинули к палаткам турникет.
Хандра, простуды, авитаминозы —
нам обещали наморозь. Когда
явился март, исполнились прогнозы,
на город опустились холода.
Мы той весной на доли раздробили
привычный быт – внезапно разошлись.
Ругались, ненавидели, грубили,
винили, ненавидели, дрались.
Обида нас на части разрывала,
качала на невидимых весах,
мы были отраженьем коленвала,
вращавшегося где-то в небесах.

А в остальном привычная картина:
месил уборщик снежное желе,
стояла у обочины машина,
бежал сосед домой навеселе,
закат сливался с крышами у кромки,
мгновенно дочка выросла из брюк,
и самолет, медлительный и громкий,
летел из Домодедова на юг.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Всё было замечательно по-женски:
уютно в доме, был смиренным муж,
всю зиму вёл себя по-джентльменски.
Мы ждали марта и весенних луж.
Зимой я наслаждалась женским счастьем.
Но грянул март – морозец подкосил.
И слава богу, не кулак – запястье
он мне к глазам и к носу подносил.
Однако не сдержалась я. Схлестнулась.
Квартира – в хлам. Любимый чайник – вдрызг.
И скорость интернета разом сдулась.
Сосед грозит подать судебный иск.
В глазах всё помутилось и поплыло.
Волнение в груди – ну, просто жуть.

Тут торкнуло и память обновило:
аптека-новостройка ж рядом есть.
Я наяву увидела, как лихо
уборщик месит снежное желе,
подъезды отмывает дворничиха.
Я не пила, но как навеселе.
И вот уж в небесах весы повисли.
Никто не видит. Вижу только я.
И коленвал ракетой небо выстлал
(ракета – отражение меня).
Аптека рядом, в этом нет секрета.
Там есть валокордин или фрактал —
и снова самолёт, а не ракета,
и уж тем паче... нет, не коленвал.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

У меня внутри поют сверчки,
и блуждает леший с бороною,
беленая хата у реки,
вербы над прохладною водою.

Через реку переброшен мост,
за рекою – ивовая чаща,
где волшебный, одинокий дрозд

исполняет гимн животворящий.

Что ещё об этом рассказать?
Кукуруза зреет в огороде,
голосит соседская коза,
да перины сохнут на природе.

В переулке солнце пролилось
и детишки в лужицах играют,
дед Иван вколачивает гвоздь
в лестницу, присосшую к сараю.

Золотая внутренность моя,
космос, оплётённый виноградом —
без тебя я фантик, чешуя,
бабочка, разорванная «Градом».

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Чем, скажи, тот гимн животворящ,
что дрозды за речкою поют?
Соглашусь, что этот гимн блестящ,
но у лифта должен быть дебют.
Помнишь ли, как грозный царь Иван
крёстное знамение на лоб

наложил себе (самообман),
лифт открылся поскорее чтоб?
Вот что в жизни бытовой мирской
крест животворящий вытворял
Что сверчки да леший с бородой!
Это чёрт поэта обуял!
В огороде ль, в хате, у реки,
бес попутал. Может, там коза?
Нахлобучь-ка на нос ты очки,
Чтобы сделать зрячими глаза.
Борода есть у козлов и коз.
Мекал кто ж, разбрасывая яд?
Громыхнуло, затрещал мороз.
... Чёрт наслал сюда и град, и «Град».

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Ползёт, рубинов и неровен,
туманов мантию влача,
как лепесток, как выплеск крови
из-под удара палача.
Многоэтажные детали,
навстречу окна оголив,
во всю длину горизонтали
смиряют солнечный прилив,

и бьются, словно волноломы
в проем заоблачный, косой,
в травы изящные наклоны,
овеществленные росой.
Пион. Сочащаяся язва.
Неон. Нечаянность. Не сон.
Он кем-то был рассветом назван
и поутру произнесен.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Ползёт... куда ползёт, не знает,
а кто – узнаем лишь в конце:
хотя бы это утешает.
Вся суть стиха – в одном словце.
Метафоры танцуют енькой,
но все прижались к городам.
Однако и по деревенькам
он тоже ползает, мадам.
Многоэтажные детали
смиряют солнечный прилив,
но избы тоже в бой вставали,
своих задов не оголив.
Не только зад не оголяя,
но не щадя его ничуть,

встречали избы блики рая.
...Рассвет вползёт в любую муть.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Как-то огонь разжѐг
опытный стекловар,
дунул в стеклянный шелк —
и получился шар.

Катимся, колобки,
прыгаем на ходу,
это не по-людски,
дедушка-стеклодув.
Брызжет слюной лиса,
волк разевает пасть,
в этих глухих лесах
как бы нам не пропасть.

Мы от тебя ушли —
песни хотели петь,
но на полях Земли
нас ожидает смерть.
Сети паучьей нить,
вязкая грязь болот —
как же нам сохранить
хрупкую нашу плоть.

Видишь ли, знаешь ли
ты, наполняя нас,
как по ночам болит
твой углекислый газ?

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Парится стекловар,
дует в свою дуду:
в трубку вдувает пар,
а не дудит в трубу.
Дар свой за сотни лет
наш стеклодув развил
и не один секрет
в деле своём открыл.
Он ведь, и правда, -дув,
а никакой не -вар.
Сложно, в веках заснув,
нынче сбывать товар.
Тысячу лис, волков,
столько же колобков
выдаст за день завод,
как стеклодув за год.
Спрос и ушёл к другим
массовых дел спецам.

Горек такой мейнстрим
истинным мастерам.
Выдать штамповку за
вещь уникальную
может, смотря в глаза,
рожа нахальная.
А стеклодуву – боль,
если сей мастер крут.
если пацан не ноль.
...Эры дурней грядут.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Гибискус красный утомленно
стоит, склонившись к монитору,
над батареей раскаленной
сквозняк пошатывает штору.
И кажется, что в этой нише,
в житейском, удаленном шуме,
когда-нибудь родится Ницше
и сообщит, что Бог не умер.
И восстановится из пыли
посуда с ручками из стали,
дуршлаг, салфетница, бутылки,
черпак и прочие детали.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Сквозняк так долго мучил штору,
что посторонний влез в квартиру.
И сразу двинул к монитору.
Мой новый комп он хочет стырить?
Глядь, не шагает, а витает:
не человек – фантом бесплотный.
Не монитор его прельщает —
цветок у компа благородный.
Гибискус утомлённый красный
стоит, склонившись к монитору.
Что делать? Крикнуть громогласно?
(да и пора бежать в контору).
Иль, может, подарить фантому
гибискус утомлённый красный?
Стоп! Всё понятно и слепому:
метанье бисера напрасно.
Ведь не свинья в квартире. Ницше!
Он о кончине Бога скажет.
Гибискус тут – как третий лишний.
Сверхчеловек отныне княжит.
...Когда я через час очнулась,
ни монитора, ни посуды.

Я поняла, что обманулась:
тю-тю цветок. Фантом – паскуда!

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Грабли с прохода убрать не забыли?

Все ли перенесено?

Что вы там делали?

– Жили да были,

мокли, ходили в кино.

Сорные заросли уничтожали,

камни бросали в мешок,

сеяли, веяли, редьку сажали.

Боже мой, как хорошо —

близится вечер, открыты ворота,

светится окнами дом.

Жизнь состоит из любви и работы

под непрерывным дождем.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Метаморфозы прошли в кинозале!

Все ноу-хау – старьё.

Нынче с героями

фильмов в реале
про бытиё и житьё
поговорить можно смело и просто,
камни забросить в мешок,
редьку сажать, удобряя компостом.
Боже мой, как хорошо!
Зал и экран – всё отныне едино.
Вместе с актёрами я,
пусть отдыхаю, сама героиня:
в фильме работа моя.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

Ода стрижке

Раньше ведь как – вымоешь голову и целую вечность су-
шишь

волосы феном, но тонкие пряди, как у последней клуши,
ложатся неровно, электризуясь, тянутся за расческой,
жить не хотелось с ужасной такой прической.

О, это были недели ломки от лба до низа,
и не спасали от боли ни сладкое, ни телевизор,
тело горело в реале, во сне, в астрале,
и никакие средства от этой напасти не помогали.

А стоило лишь подстричься, мир заиграл лучами —
шея открыта, образ объемён и завершен плечами.

Не слушался волос раньше, словно из пакли соткан,
а нынче проснулась, прическу взъерошила – и красotka.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Наголо так налысо!

Я настрадалась за жизнь свою брeнную лет этак множе-
ство,

с самого детства стараясь сложить из причёски художе-
ство.

И в парикмахерских города все меня жуть как боялись.

Лучше надзора была я: халтурщики поувольтялись.

Но совершенства найти я нигде не могла для макушки:

три и четыре слагала, и пять этажей плюс верхушка.

Спать неудобно бывало, мучалась, не высыпалась,

но поутру всё равно шевелюры приличной не оставалось.

Кто же мне мысли подал всмотреться получше в лица ве-
ликих

женщин, побривших затылки, при этом совсем не безли-
ких?

Стюарт, Высоцкая, Роуз, О’Коннор, Спирс Бритни,
и Самбурская с Закировой – все лысовидны.

И уж Кожевникова убедила финально: не зря она Маша.

Эта уж точно под дудку врагов не запляшет.

Тут же взяла я машинкой под нолик побрилась,

чтоб красота моя больше под слоем (роскошных) волос не таилась.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Дни не размножаются в неволе,
только лишь становятся сутулей,
а вчерашний день упал за поле,
словно сняли снайперскою пулей.
Утром за окном явился новый,
подвывая мусорной машиной,
томный, нерабочий, бестолковый,
с постной и подвыпившею миной.
Он такой же точно, как вчерашний,
будто нарисован под копирку —
будем на своей балконной башне
трепетать от птичьих перечирков.
Но уже, непасмурный и броский,
взят всевышним снайпером на мушку.
Посмотри, как в небе светит Бродский —
солнце в рыжеватых конопушках.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Что воля, что неволя – всё равно.
Из детской сказки фраза всеохватна.
Однако если мыслью рождено
семейство образов занятных,
то дням длиннее быть или короче
не суждено, к иным пусть целям рвутся.
Пусть станут до горбатости охочи,
а то прямохождением займутся.
Незаурядные диковинные цели
охотников заправских привлекают.
Ведь круть: не просто дни стемнели
иль просветлели – людям подражают!
Охоты экзотической любитель
выходит в чисто поле. Он не уток
и не гусей банальный истребитель:
набить он хочет днями свой желудок.
И вот вчерашний день упал за поле.
Охотник был удачливым и метким.
Убивец будет царствовать доколе,
коль одарен он этим даром редким?!
Вот дальше полетели дни как утки,
их снова из ружья: Бах, Бах, Бах... Моцарт!
А это – мусорка-машина в промежутке
ночных часов и утренних прорвётся.
И снова полетели дни за днями.
Ну, наконец, непасмурный и броский.

Не Бах, не Моцарт – слава богу, Бродский!
Весь конопатый, кожа – пузырями.

P. S.

Уж коль явился рыжий-конопатый,
то не убил он дедушку лопатой,
а почирикал как-то бестолково.
...И не чирикал вовсе – был басово.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Дуреет город от духоты,
а в сквере, в его тиши,
стоит скамейка у той черты,
где видно, как хороши
ее металлические бока
и крашеная ламель,
и я на ней посижу, пока
солнце идет на мель.

Вечерний город похож на труп —
не дышит. Но голосит
над ним завод. Из кирпичных труб
сыпется диоксид.

Вечерний город велик, могуч.
Медлительный самолет

летит туда, где обломки туч
сгрудились в кислород.
А я сижу. От чужой ходьбы
город истоптан весь,
и думаю: «Боже, что, если бы
скамейки не было здесь?»
Возможно, тут же до темноты
калужниц расставил строй
закон замещения красоты
правильной красотой.
Спокоен город в яслях своих,
деревья стоят кругом,
дымятся сумерки, будто их
гладили утюгом.
Иду домой. По бокам – кювет,
вымощенный внутри,
и стелют под ноги рваный свет
первые фонари.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Как жаль, что задохнутся все.
кто пропустил тот сквер,
где я присела у шоссе
после дождя в четверг.

Скамья была ещё мокра,
но жизнь стучала в ней.
И пламя моего нутра
зарделось сильней.
Противогаз надела я,
ведь город как сдурел:
толпа остервенелая
впадала в беспредел.
Метаться поздно: трупами
завален город весь —
дымит одними трубами,
ссыпая в небо взвесь.
Гляжу я ввысь: вот самолёт
спастись успел, взлетев.
Обломкам туч не нужен счёт —
у этих свой напев.
Случилось что бы, Бог, скажи,
коль не было б скамьи?
Стоять пришлось бы мне в тиши
одной и в забытьи?
Скамья и сквер меня спасли.
Теперь пойду домой.
На город сумерки сползли,
но это не впервой.
Сгустилась тьма. Ни зги кругом.
Кто фонари зажжёт?

Мой стан в кювет, боюсь, ничком
случайно упадёт.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Запределен четвертый этаж,
беден в окнах подольский пейзаж,
черен город в белесом тумане,
выйдешь в утренний шум налегке —
шевельнется синица в руке,
воробей затрепещет в кармане.
Эти птицы прибились ко мне,
поселились в моей тишине,
я зерном их кормила, жалея.
Я им матерью доброй была,
но зачем мне четыре крыла,
если воздух воды тяжелее.
Не нужны мне ни свет, ни заря,
ни рябина среди пустыря —
я все тяжести безднам вернула.
Ни воды, ни земли, ни огня,
лишь две птицы и их трескотня
на каштане замерзшем, сутулом.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Много лет с этажа на этаж
я таскала тяжелый багаж,
налегке никогда не ходила.
Руки заняты были всегда,
а синица без тени стыда
мою кисть своим клювом долбила.
Их, синиц, налетало гурьбой.
Я умела терпеть и отбой
каждый день каждой птице давала.
Я ждала и ждала одного
журавля в небесах своего,
кто спустился бы с неба, как сало.
На земле не бывает чудес:
мой журавль не спустился с небес.
Я поклажу свою побросала.
Вот теперь я хожу налегке.
Почему же всё пусто в руке?
И вторая рука пострадала.
Все синицы умчались вразлёт,
ни одна мне в ладонь не нырнёт.
Воробей лишь уткнулся случайно.
Пирожок из руки умыкнул.
Не успела поймать – ускользнул.
Я осталась ни с чем тривиально.

Но зато я хожу налегке
без тяжёлой поклажи в руке.
Я летаю – и это буквально.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Когда-то икона стояла в углу
и мирно лампада горела,
а бабушка Мотря тянула иглу,
пока на дворе вечерело.
Сшивая куски разноцветных тряпиц,
она Вседержителю пела,
а он, любознателен и светлолиц,
смотрел на полезное дело.
Сто лет пролетели. Небесный Собес
Всевышнему пенсию выдал,
но мы никогда не останемся без
картинки, где светится идол.
Великий айтишник нас в ужас поверг —
поверишь ли, бабушка Мотря,
отныне в фейсбуке сидит Цукерберг
и смотрит, и смотрит, и смотрит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Всё было, поправлю, немного не так.
Я версию сделаю точной.
В истории я не особый мастак,
Но есть под рукою источник.
Всевышний действительно сто лет назад
У Мотри в мозгах воцарялся.
Хоть в избах горели мильоны лампад,
Один над страной возвышался.
Вот тут и пропущен огромный кусок.
Его б я отважно добавил.
В Россию приехал крутой мужичок,
Который прикольно картавил.
Вот именно он, а не некий Собес
Отправил на пенсию Бога.
Отправил и... в идолы лично пролез
(Не все дождались эпилога).
Я б снова концепцию Ганны отверг —
Стрела не одна у Амуров:
На Аню взирает чужак Цукерберг,
Других совратил Павел Дуров.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

В своём физическом убранстве,

непогрешима и тверда,
вещь проявляется в пространстве
и замирает навсегда.
Рулём становится, сиреной,
решёткой тёмного окна,
параболической антенной,
что чуть над зданием видна.
И если складываешь вещи,
не разворачивай назад,
как говорил одной из женщин
учитель нежности, де Сад.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

«Изменчива и многосложна
течёт река. Войти в неё
одну и ту же невозможно».
Сей тезис – ложь теперь. Старьё.
Я новый постулат открыла.
В воображении моём
взяла однажды и застыла
вся жизнь глухим монастырём.
В любом физическом убранстве
всё неизменно. Не течёт.
И в этом самом постоянстве

вещам необходим учёт.

Имуществу пристала опись:

коль это руль, вписать его.

Печати синий оттиск, подпись —
сохранность требует того.

Нет, рано в списке ставить точку.

Решётка темного окна,
антенна не попали в строчку
сирена не занесена.

Все вещи вместе в опись сложим.

Бумагу нежною рукой
разгладим. Сада потревожим.

Споём души за упокой.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Я ехала домой. Уже светало,
вокруг машины пенился рассвет,
столбы скакали в сбруе из металла,
копытами коверкая кювет.

И в этой точке А, в автомобиле,
я вспоминала улицу и дом,
где мы однажды сомкнутые были
и тут же разделенные с трудом,
где пели птицы нам о пилотаже,

о темной деформации пружин,
а после я уехала туда же,
куда течёт история машин.
Являлось солнце в яркой пелерине,
ворочалось, касаясь головой
случайной точки Б посередине
искусственной завесы дымовой.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Один на пятом – образ поэтический.
А может, поэтический. Не факт.
Рассвет вокруг машины нетипичный,
но он ремонтом осчастливит тракт.
Рассвет запенится. Столбы в металле —
Так всадник в кляре, на коня взберясь,
туманит мозг, играясь на кристалле,
назад на три столетья возвратясь.
Светает. Едем вместе. Иль раздельно.
Столбы не кони, но своих подков
машине не дают. Им параллельно.
Им дела нет до нравственных основ.
Я на сиденьи заднем восседаю,
а спутник на переднем за рулём.
А может, всё иначе: я ломаю

педали газа с тормозом. Ползём.
И потому неясно: то ли вместе,
а то ли порознь видим отчий дом,
где нам кричали: «Только не в подъезде!»
Но чей он «отчий», мы не разберём.
Из этой точки А мы ускакали
так быстро, что сверкали каблуки.
Давно то было. Вслед нам напевали
пернатые всей злобе вопреки.
Успели в точку Б сбежать. Туда же,
где и сейчас покатым с ветерком.
Кювет... Я больше не хочу форсажей.
Я выйду лучше и пойду пешком.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Мы вышли в лес, как образины,
касясь елочных вершин,
мы побежали в магазины
вдоль ветра сосен и машин.
Клубилось зарево дневное,
прибой сутулился речной,
а мы летели и спиною
тащили ветер ледяной.
Над нами мирно и лучисто

сидели аисты в гнезде,
а мы смеясь, как хоккеисты,
скользили боком по воде.
А мы легко, как обезьяны,
текли дорогами низин,
спешили ровно, без изъёнов,
на ощупь чуя магазин.
Несли жужжа, подобно рою,
вздымая темные дымы.
Но если магазин закроют,
тогда зачем бежали мы?

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Всегда вопросы возникают,
когда мой разум измождён,
когда и образы пугают
и путь логичный искривлён.
Икары коль вершин касались,
то гнёзда аистов тогда
не «под», а «над» как оказались?
Ведь рухнут прямо на ката.
И игроки в хоккей коньками,
скользят по льду, не по воде,
И никакими не боками.

Они во вражеской среде?
Ах, речь о наших хоккеистах?
Тогда понятно почему,
их проигрыш – всегда со свистом
международному дерьму.
Вокруг да около личину
к чему, как пыль, пускать в глаза,
коль тело мчится к магазину,
а сердце тянет в небеса?

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Что такого глаза мои видели
в магазинах, витринах аптечных,
чтобы день замедлением выделить
из потока других, быстротечных?
Ничего.
От кипящего ужина
к потолку потянулись туманы.
Боже, чем это счастье заслужено —
под Шопена тушить баклажаны?
Табуретка с распластанным томиком,
Снова несколько строк сочинилось.
На кухонных часах стрелки домиком.
Вот и всё, что сегодня случилось.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Неважно, на «кухонных» или «ку́хонных» часах сегодня стрелки обнаглели.

Важней, что не на гаджете зачуханном бумажный томик прочитать сумели.

Неважно даже, Пушкина или Чехова был этот томик, изданный Советами.

Но важно, что не модными утехами дурачимся, а стали книговедами.

Из серых будней день какой-то выцепить, затормозить, остановить качели —

аптечную банальность этим вылечить и чтобы в магазине не нагрели.

Какое это счастье поздним вечером, покушав баклажанные тушёности, залечь с Шопеном, прежде не замеченным, в постель одну без всякой извращённости.

И глядя, как туман ползёт по коврику (спустившись с потолка на землю грешную), опять припасть к Шопену вместе с томиком бумажным, ведь они отчасти смежные.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Небо из пропилена, травы из ковролина,
солнце течет акрилом сквозь бледноватый смог,
но к каблукам все так же липнет живая глина,
и рисовал округу, кажется, сам Ван Гог.

Здесь, у подъездов справа, вывеска «Бизнес-ланчи»,
там, на парковке слева, «опель» стоит, разбит,
вшить бы себе в петлицу сорванный одуванчик,
взять бы себе машину и не платить кредит.

Слава всем утонувшим в безднах, на дне кварталов,
всем, получившим ордер, въехавшим в этот мрак,
воздух ножом разрезан, чтобы на всех хватало —
здесь зародилось время с меткою «Доширак».

Солнце уходит в космос. Спи, мой район убогий
менеджеров, кассиров, клинеров, поваров;
боги вращают Землю с помощью технологий,
вертятся шестеренки пластиковых дворов.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Небо из пропилена, травы из ковролина.
Ночь. Тишина. Но создал этот декор не Гог.
Это не Украина, я не Екатерина,
Кто же слепить деревню, словно Потёмкин, смог?

Вот бы Екатериной в жизни хоть раз родиться.
И не простолюдинкой, а чтобы стать Второй.
Сидя в карете царской, стала бы мелочиться
и на разбитый «Опель» рот разевать я свой?
Бездны окраин. Тени мрачных жилых кварталов.
В Зимнем дворце иначе: воздух – и тот свежак.
Будь я Екатериной, мне бы всего хватало,
в рот не взяла бы больше вредный я «Доширак».
Солнце и космос будто в технологичной съемке.
Боги вращают землю вместе с моим двором.
Пусть я не Катерина, нужен мне свой Потёмкин,
Чтобы район убогий Царским предстал селом.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Осенью поздней в вечернее время,
чем заниматься, когда отключили
свет, и теперь не работает ноут,
фен, телевизор и микроволновка,
люстры погасли, и радио тоже,
стихло жужжанье стиральной машины,
что еще делать, когда холодильник
тих, как дремота украинской ночи,
электрочайником не разогреешь
воду и чай с имбирем не заваришь,

что еще делать в вечернее время,
дома без света, одной, на диване,
рядом со столиком, с вазой, где восемь
яблок прекрасных лежат краснобоких,
что еще делать под тусклой свечою,
тонкой, церковной, немного согнутой,
купленной где и когда уж невесть,
что еще делать? Яблоко есть.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Змей-искуситель приполз ближе к ночи.
Змей-соблазнитель принёс мне подарки —
яблоко прекрасных штук восемь, не меньше.
Как эти фрукты на змеевой шкуре
все удержались при дальней дороге?
Змей ведь не ёж, и на нём нет иголок.
Свет вдруг погас так внезапно и кстати.
Впрочем, некстати – одна я в квартире.
Весь электрический ток отключили —
не завести даже яблокорезку.
Чую, жевать мне своими зубами
яблоки эти, будь трижды неладны!
Чувствую также: сейчас на диване
вовсе уже не сижу – возлегаю.

Впрочем, одета. В одном пеньюаре.
Яблок штук восемь – одно меня манит.
Сердце стучит и кого-то желает.
– Я тут одна, выкинь яблоки в мусор
и не толкай меня в детства привычки, —
свечкой церковной пугаю я Змея.
– Как же одна, если я тут с тобою? —
Змей, не смущаясь, речёт плотоядно.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Тимуру, дворнику, известно:
ничто не вечно под луной —
ночами звезды отцветают
и пух летит над проходной;
ложатся под ноги частицы
светил, просыпанных с высот,
Тимур их бережно сгребает
и к бакам мусорным несет,
чтоб утром офисные люди
у входа выстроились в ряд,
за электронной сигаретой
обговорили все подряд —
что неприветливый охранник
за турникетами сидит,

что день расписан по минутам
и тачка куплена в кредит,
что собран мир неторопливо,
но есть ошибки в монтаже,
что он стареет и колеса
скрипят на каждом вираже.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Любой охранник – что философ —
любому дворнику под стать:
за жизнь они мильон прогнозов
услышать смогут и понять.

Особо их интересует
не тачка и не колесо,
а то, куда наш мир дрейфует,
куда плывёт без парусов.

Внимательны и тот, и этот
к речам ботаников в очках:
любой достойный штрих подметят,
в своих запомнят головах.

А ночью в книжечку запишут,
а может, даже в ноутбук,
кто мир трясёт и что колышет,
и... кто чей сын, и кто чей внук.

И перепишут аккуратно,
чтоб на Лубянку отослать:
они работают внештатно,
им надо вовремя стучать.
Агентов иностранных всюду
так много разных развелось,
что только выловишь паскуду,
уже с двадцатой всё срослось.
И пишут так неторопливо,
что мир – с ошибкой в монтаже,
и что колёса едут криво,
скрипя на каждом вираже.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Ходит кругом звезда на цепи,
отражаясь в низовьях фонтана;
выйдешь вечером хлеба купить —
и стоишь под огромным каштаном.
Ощущаешь, как мимо течет
по ветвям чудотворное что-то,
как внутри замедляется ход:
зимовать – непростая работа.
И любишься, стоя во тьме,
как рябит городская прохлада,

как готовится лавка к зиме,
покрываясь жирком листопада.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Млечный Путь покорился цепи:
времена изменились и нравы.
Глянешь в небо – зубами скрепи:
У небесных тел вздуты суставы.
Звёзды голые, холодно им,
Ведь не зной на порог заявился.
В хлябь небесную тёплый Гольфстрим
вряд ли ходом своим докатился.
Цепь кругом и вокруг, цепь из скреп.
Лучше степь бы меня окружала.
Даже хлеб в этом мире нелеп,
коль звезда мне в ладонь не упала.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Тепло. Не страшно. Атмосферно.
Затишно. Изморось приятна —
по переулкам пешеходы идут-бредут туда-обратно.
Сорвавшись с крыш, клубятся звезды,

текут машины, окна светят,
осуществляют перекрестки работу, лучшую на свете;
а человек рукою машет, так непосредственно и просто,
как будто он не полицейский, а тренер личностного роста.
По тротуарам, словно лодки,
плывут скучающие пары,
текут машины —
хороводы
ведут стремительные фары.
Я посмотрю на это дело, и расскажу потом супругу,
что на конечной остановке маршрутки бегают по кругу,
что там, на улице, не страшно,
тепло,
а изморозь приятна,
что проплывающие пары возможны, но невероятны,
что сбросив скомканные листья,
деревья призрачность недели,
и хорошо, что я не знаю,
какой сегодня день недели.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Супруг мой страшно любопытен,
а в любопытстве – ненасытен.
Он знать про звёзды хочет больше, про Млечный Путь,

что в небе виден;
о той тяжелой женской ноше,
что днём туда-сюда таскала;
о тренерах и полицейских, кого на улицах встречала.

Как начинаю речь свою я
про лодки и про тротуары,
про пары, про машины, фары,
лицо осунется супруга.

Я знаю, есть моя заслуга
в его безумном интересе. И вдруг муж спросит:
– А не поздно? Который час и день недели? Опять, люби-
мая,

заносит

тебя в кюветы даже в месте,
в котором идеально ровно?

...Других вопросов ожидая, была я будто хладнокровна,
но запинаться стала, мямлить,
на тренера опять сбиваясь.

И начал мент в глазах маячить,
с любым недели днём сливаясь.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

На утренней заре из дома выйдешь —
летят огни – привет аэрофлоту!

Я вижу самолет, а ты не видишь,
ты на машине едешь на работу.
Здесь быть могло три тысячи дерев, но
мешает дом с оранжевой стеною —
я наблюдаю это ежедневно,
когда иду дорогой окружною.
Я вижу столб, натянутый на провод,
и стильный тополь, тронутый стареньем,
я вижу корабли, и это повод
из ерунды собрать стихотворенье.
Чуть дальше стоэтажные массивы
увенчаны дешевой чебуречной;
я так тебя люблю, что даже ивы
склоняются от тяжести сердечной.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Ты меня на рассвете разбудишь,
я воскликну: «Привет Кибальчишу!»
У виска, подивясь, ты покрутишь,
вскинешь бровь: не снесло ли, мол, крышу?
Необутой из дома я выйду:
самолёты приветят Мальчиша
из ближайшего аэродрома.
Головою ты вертишь, не слыша.

На авто́ на работу ука́тишь,
мне же пе́шей приде́тся тащи́ться.
По пу́ти взгля́дом зорки́м охвати́шь
всё, во что так и тяне́т влюби́ться.
В про́водах, топо́лях, жи́лмассива́х,
в кора́блях и сто́лбах, в ста́рых ива́х
в чебу́речных ве́сьма прихотли́во
стихотворные дре́млют мотивы́.
Вот и собра́но стихотворе́нье.
Заверши́ть поспосо́бствует му́ха:
она́ села́ о́пять на варе́нье
(и на му́ху́ бывае́т прору́ха).

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

А соловьи́ стара́ются без толка́ —
весенний го́род, холо́ден и пу́ст,
закры́ты заведе́ния, и то́лько
под скво́зняка́ми вздрагивае́т ку́ст.
Иде́т от солнца́ луч-гипоте́нуза
и вот уже́ он вы́светлить́ гото́в
конструпции́ Со́ветского́ Сою́за
веселеньких со́бянинских́ цвето́в.
Вдо́ль тра́ссы́ пять́ рабо́чих о́бщежити́й
рассветы́ держа́т ши́ферным хре́бтом.

На фоне исторических событий
я выгляжу беспомощным кустом.
Не хочешь, а проскакивают строфы,
материя цепляет, как репей —
в условиях глобальной катастрофы
что может быть никчемней и глупей.
Рождаешься прозрачной и безликой,
и сочиняешь медленно потом
ту сказку, где была бы земляникой,
летающей птицей, розовым кустом.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

От солнца шпарит луч-гипотенуза.
Два катета осталось отыскать.
Достанет школы, а не то что вуза,
чтоб эту категорию познать.
И в небе ищешь катеты невольню.
Ведь если в атмосфере мрачной есть
гипотенуза, было бы прикольно,
когда б успел на землю катет слезть.
А вот ещё одна гипотенуза.
Ещё, ещё! Трёхсотая уже!
Им катеты все стали вдруг обузой?
Они у сил небесных протеже?

Действительно глобальна катастрофа:
Гипотенуз без катетов – поток.
Никем пока не понята Голгофа
(всем катетам хороший дан урок).
Как три прямые сплавить в треугольник?
Воскреснуть геометрия должна!
Я в курсе, как и всякий мелкий школьник:
Гипотенуза не живёт одна.
Я зреньё своё ночью испытаю.
И что увижу в сумрачном дыму?
Луна, свет отражая, запускает
Все катеты фигур всех в полутьму.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Март отошел, апрель явился, его коллега,
снег потянул за скатерть, и нету снега,
лишь на задворках мусор – следы попойки.
На каждом квадратном метре свежие новостройки.
Что бы сказал на все это Генри Торо?
Окраина. Выходной. Неподвижный город.
Светятся окна кухонь уютным светом —

некому выходить на трассу шальным, раздетым.

Рамы из пластика. Стильные занавески.

Что бы сказал на все это Достоевский?

Отданы за неделю Москве молодые соки,
движется жизнь по маршруту Каширка-Сокол,

в камень сбиваясь от ежедневной тряски.

Что бы сказал на это Кратет Фиванский?

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Знатных дворян прогнали гуртом, незнатных тоже
больше ста лет назад. Как поесть бриоши,

опыт явился к тем, кто сбежал в Парижи,
кто знал одни дворцы, но не ведал трущоб и хижин.

Через сто лет не только следы попок —
метры вокруг квадратные видим мы новостроек.

Разницы нет, что вякнул бы Генри на это Торо
или Фиванский. Дела нет нам до этих сеньоров.

Было бы крайне важно, что бы сказал Достоевский.
Лет уже двести скоро есть и об этом вести.

Фёдор Михалыч сказал о красоте и слезинке.
И поминать мэтра всеу – то, что тянуть волынку.

Рамы и занавески, тема весьма злободневна.
Важно, что скажет княгиня Марьюшка Алексевна.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Ветер, сломанная ветка,
переполненные лужи —
я, вот, думаю нередко,
для чего все это нужно;
может, для великой цели,
обозначенной богами,
чтоб фигуры Церетели
попадались под ногами;
или для большого взрыва
где-нибудь внутри Вселенной,
чтобы плачущая ива
раскачалась непременно;
или в секторе обмена
нас задумали из глины,

чтобы где-то непременно
повстречаться мы могли бы?

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Миру хочется признаться,
всей душой своей открытой:
мыслью разочароваться
в рифме, лично мной добытой;
раскромсать хочу искусство,
лавры скинуть Церетели,
в океан закинуть чувства,
чтобы зряшно не кипели;
динамитом жажнуть иву,
чтоб Вселенная взорвалась.
Я смогу, ведь я крапиву
в детстве даже не боялась.
Что при мощном взрыве глина!
Разнесёт её ошмётки
на сырьё ста тыщ кувшинов:
без телес все души кротки.
И тогда в пределах рая
снова расцветёт искусство.
Цель достигнута благая:
вновь пылают наши чувства.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Автобус прозрачный почти,
апрель, середина пути,

бегущая тряска, и там
среди молодящихся дам

сидит незаметно одна,
на поле глядит из окна,

а поле, ромашковый кит,
за белой маршруткой летит,

то делает мост на бегу,
то вертится на берегу,

а то неожиданно – скок —
ныряет в холодный песок,

внутри антрацитовых вод
то вправо, то влево плывет,

то вдруг утыкается в пах
скалы водяных черепах,

и вот уже нет ни воды,
ни литературной среды,

одно лишь сияние в том
месте, где строится дом.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Родной произвёл автопром
автобус в стекле целиком.

В апрельский пригожий денёк
без тестов автобус утёк.

За время большого пути
сумели в новинку войти

сто стройных и пухленьких дам,
подобных весенним цветам.

Входили в автобус, как в храм,
не веря родимым глазам.

Особо особа одна

была и скромна, и полна.

Все ехали стоя, никто
не сел в этом странном авто.

Ой, что происходит кругом!
Вот это даёт автопром!

Фантомы: арктический лёд;
песок по пустыне течёт;

киты, черепахи, скала
и пах чей-то – он без чехла;

и много поэтов внизу,
а все поэтессы вверху.

Иллюзий – как в море воды.
Аллюзий – несметны ряды.

Все дамы выходят в конце,
меняются резко в лице:

к изнанке стеклянного дна
прилипла парнячья шпана.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Тропу не найдя дотемна,
под рваные крики грача
мы шли, и стояла луна
чуть выше второго плеча.
Рождался в вечерней росе
затянутый дымкой покой —
мы знали, что рядом совсем
разросся массив городской.
Мы длинное поле прошли,
проделав привычный маршрут,
но вдруг появился вдали
из воздуха вышедший пруд.
Казалось, что склад и завод
пропали неведомо где,
но вспыхнули окна и вот
огни отразились в воде.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Луна стояла по плечо.
Освещена аллея вся.
Не холодно, не горячо.

И грач порхает, голося.
Гуляли мы в ночи вдвоём
По полю, около пруда.
И вот уже под фонарём
Прошли, а дальше – череда.
...Луна стояла по плечо.
То не луна была – фонарь.
Плафон округлым был мячом.
Таких мячей не брал вратарь.
И вдоль аллеи лун таких
десятки по плечо висят.
Подходишь ближе – новый штрих:
над головой теперь парят.
Вот жилмассив и окон свет —
Сто сорок солнц, но не закат!
Светил небесных самоцвет
Обманом на земле чреват.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Птицы погибают в одиночку;
вот она, певица от пернатых,
носится, похожая на точку,
а и бэ – ее координаты,
птице, как последнему пришельцу,

в двадцать первом веке новой эры
нужно бросить маленькое тельце
на добычу роз из атмосферы;
птице, предназначенной на откуп,
неуютно между берегами,
будто в ее горло циркуль воткнут,
и вода расходится кругами,
птица – неделимая частица,
ветра воспалившаяся рана,
потому светящаяся птица,
как роса небесная, желанна.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Птицы могут стаяй с неба падать.
Массовая смерть среди них не редкость.
В эру цифры факт такой не спрятать,
даже если не закономерность.
Каждый год со всех концов планеты
новости являются дурные:
песни тысяч птиц финально спеты,
массой пали наземь неживые.
Стаями огромными находят
птиц погибших в море и на суше.
Мир природы втайне сумасбродит.

Мир науки в тайны не погрѹжен.
Коли нет логичных объяснений
этой всей таинственной цепочки,
не избегнуть слѣзных заключений
о смертях пернатых в одиночку.
Разделить пернатую на части
ничего не стоит хулигану.
В кошкиной проделать это власти.
Режут в ресторанах для гурманов.
А уж если мать-земля сырая
в дело включится, пиши пропало.
Вахта трудовая и земная —
миллион частиц из птицы стало.
Но одно оспаривать не стану:
птица – воспалившаяся рана.
(своему пустому балагану
дам отставку), потому желанна.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Я разозлюсь, наверное,
и брошу в тебя стулом,
а ты начнешь, хихикая,
хлестать меня по скулам

оторванною лапою
резиновой лягушки —

мы в квантовой песочнице
деремся за игрушки —
я серую и красную хочу прижать к груди,
а ты мне даришь радугу, березу и дожди.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Частицей неделимою
иль неделимой порцией
являлся квант невидимый,
пока он стихотворцами

потроган не был дерзостно
фантомною рукой.

И вот уже в песочнице
детьми устроен бой.
Игрушки все поломаны, на лицах мак зацвёл.
Вдруг радуга (как вовремя!), и сильный дождь пошёл.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Я сообщаю космосу: «Алло,
сегодня нас снегами замело,
мы тут сидим на вышках буровых
и думаем о судьбах мировых,
о том, что лед отличен от воды,
и что враги оставили следы —
ввели коронавирусную кровь
и санкции на дружбу и любовь».
Мне космос отвечает: «Ну и пусть,
что может быть прекраснее, чем грусть,
расслабься и смотри свое кино,
не думай, а крути веретено».
Я возражаю космосу: «И что?»
Выходит рыцарь в розовом пальто,
он достает сияющий платок
и отключает «Северный поток»,
и мы летим навстречу холодам.
Я никому Россию не отдам.
Я бусинка, ничтожная блоха.
Мне космос отвечает: «Ха-ха-ха».

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Гагарин первым в космос взмыл, а я,

всего лишь день на вышке простояв,
вдруг поняла: могу общаться с ним.
Не с космонавтом – с мирозданием.
«Алло», – кричу наверх. В ответ: «Алло».
Опять ору: «Всё снегом замело.
Разлив воды содеется весной».
А космос отвечает: «Ой-ой-ой».
Мне слышится, что «это не впервой»:
не может мироздание дать сбой
и слог последний кратно повторять.
Вселенной предо мной не устоять.
Раз космос слабо может рассуждать,
сама себе я буду отвечать:
«Ты рыцарей не опасайся, мать,
И цвет пальто не стоит осуждать.
На «Северный поток» должно плевать
тебе с высоких вышек буровых,
хоть с газовых, да хоть и с нефтяных!
Хоть с лагерных, дозорных, смотровых.
Забудь скорей о судьбах мировых».
Но у меня в мозгах – как на носу.
Я в думах вся, как Родину спасу.
Пусть я блоха, взываю к небесам.
Я никому Россию не отдам,
пусть даже космос говорит «В кино!»
и требует крутить веретено.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Сидел на камне человек, я помню, он сказал,
что этот город, этот дом, гостиница, вокзал,
химчистка, школа, магазин, деревья, детский сад,
дорога с вилками столбов и мэрии фасад,
плотина, небо над землей и даже облака,
все это, в общем-то, еще не создано пока,
а только кажется тому, кто в холоде возник,
от ветра сжался, приподнял высокий воротник,
тому, кто думает, что бог – огонь или рыбак,
тому, кто смотрит на пустырь, не замечая, как
сидит на камне человек, тот самый, что сказал:
все это фенечка, пустяк, не верь своим глазам —
другой, хороший бог, в другом, нешуточном раю,
тебе подарит всю любовь, всю ненависть свою.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Сидит на камне человек пред мэрией Москвы.
Убог и наг. Ему нет дела до людской молвы.
Дорогу видит пред собой, а сверху – облака.
Но где ж деревья присмотрел? Он не в себе слегка?

И где химчистка, детский сад? А школу где узрел?
Пусть книжный магазин «Москва» он разглядеть сумел,
скосив свой вывернутый взгляд направо по Тверской,
но Белорусский как вокзал увидел наш герой?
В каком тумане, где и как плотину рассмотрел?
Иль в фантастическом бреду на небо улетел?
Он замерзает. Как сквозь сон вдруг видит мужиков —
Они виновники того, что кроме облаков,
дороги, дома в красный цвет и нескольких столбов,
увидел будущее он, оно чёрным-черно:
с арестом в месяц или два оно сопряжено.
Сидит на камне человек, а камень тот – не конь,
а князя Юрия глава. Вот это круть! Огонь!
Князь Юрий на коне сидит, но выше – человек:
сидеть у князя на башке не в каждый можно век.
Внизу фигуры мужиков. Космический пейзаж.
За ногу тянет «космонавт» – берёт на бордаж.
Стажил на землю, попинал и взял за воротник.
Не верь глазам: не космонавт к тебе ногой приник.
Простой омоновец, кто в рай не запихнёт тебя,
ведь как добряк, как русский бог, по почкам бьёт любя.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Из облаков выпиливая речь,

так трудно прорасти поодиночке,
я отпущу метафоры до плеч,
но это все пока еще цветочки.
Нас ждет непримиримая война
с поэзией невиданного штамма,
и я капитулировать вольна,
не верите, спросите Мандельштама.
Неси же в бездну, северный поток,
пришей к душе обломанные крыльца —
я семечка, а жизнь моя – цветок,
которому положено раскрыться.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Метафоры всегда тебе к лицу
Хоть выше плеч, хоть ниже, хоть по плечи.
Шведу, жнецу и даже игрецу
Талант твой виден: Мандельштам – предтеча.
С поэзией не надо воевать,
Тем более не стоит ей сдаваться,
(И штаммами её не запугать).
В поэзии вольна ты лишь купаться!
Капитуляций даже Мандельштам
(Над чьей макушкой высилась дубина)
Не позволял язвительным стихам

Перед широкой грудью осетина.
И новый довод в голову – тук-тук.
Он убедить способен и блондинку:
Коль русские не поднимают рук,
То не должны сдаваться украинки.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

Я видела Бога – высокий, прямой,
он мимо неспешно прошел,
прибрежные ивы зажглись бахромой,
туман навалился, тяжёл.
Лягушки затихли. Игольчатый лес
казался расческой вдали,
испуганный филин из темных деревьев
смотрел, как младенец Дали.
На джинсовом небе виднелся разрыв.
Горячим венцом мельтеша,
отбившись случайно от чьей-то игры,
стоял огнедышащий шар —
как будто гоняли в командный крикет
ветра, облачившись в denim.
Я видела Бога, он шел по реке,
и рыбы летели за ним.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

С причала рыбачила автор стиха,
Спаситель бродил по воде.
Прошёлся по ивам, и ивы – труха;
лягушек не стало нигде.
Лес то ли расчёской стал, то ли иглой.
Вернее, терновым венцом.
А филин глазастый (ему не впервой)
стал крохотным хрупким птенцом.
В глазах всё поплыло, а огненный шар
навис в небесах над землёй.
Спаситель не жадный: без лишних фанфар
отдал ей свой дар неземной.
И вот уже автор спасает людей,
хлебнувших чудовищных мук,
А Бог достаёт из воды пискарей.
Без удочки. Даже бек рук.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

За огородом чисто поле
луна покрыла, как зола,
звезда, знакомая до боли,

над хатой дедовой взошла.
А утром маленькое солнце
прогреет шторы на окне
и с ветром в комнату ворвется
дух запеканки на пшене.
Я босиком взлетаю в воздух,
бегу нечесаной во двор,
и стайка соек чернохвостых
взмывает тут же на забор.
А я за ними, и покуда
не вспоминают обо мне,
смотрю на дальнюю запруду,
на бабу Ньюру на стерне,
на то, как дед несет посуду,
как по двору играет тень,
и свет, как маленькое чудо,
переживаю каждый день.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Ну, ночь и ночь. Звезда с луною.
Чего о них ещё сказать?
Их глянец снимет, как рукою,
когда меня разбудит мать.
Затем в пространство ткнётся солнце.

Я пару слов о нём спою
(на всякий случай – вдруг зачтётся:
я верю своему чутью).
Как только запах запеканки
Забьёт все пазухи в носу,
Пойму, что это – для приманки.
Чтоб успокоить егозу.
Но всё равно взлетаю в воздух.
Нет, то не мина взорвалась —
то я увидела подсолнух
да и немного увлеклась.
И каждый день я так летаю:
то с сойками вступлю в союз,
то миску деда озираю,
воссоздавая снеди вкус.

ГАННА ШЕВЧЕНКО

*

В одном и том же платке летом, весной, зимой.
Я, говорит, ваш путь, а вы не следуете за мной,
катит коробку, внутри – возня,
я, говорит, ваш учитель, а вы не слушаете меня,
показывает фотографии, мол, кошачий приют
нуждается в помощи. Многие подают.
Иногда открывает крышку, а там, на дне,

четыре котенка в штопаной простыне,
обвязанные ленточками вокруг груди,
чтобы не сбежали. Она останавливается посреди
вагона, говорит, я – истина, я – народ,
движется по проходу назад-вперед.
Она и сама привязана к электричке ленточкой из сукна,
словно котёнок, живет в коробке, где тишина,
упоение и нет желаний уже давно:
я – путь, я – истина, здравствуй дно;
легкая, будто сбросила страшный гнет,
перережешь ленточку, кажется, упорхнет.

ВЛАДИМИР БУЕВ

*

Заношен до дыр платок. Службу годами он нёс,
как навесной замок, как злобный преданный бедный пёс.
Плечи покрывши этим платком,
Некто учителем предстаёт, деньги подтыривая тайком.
Морковкой какой убеждает? Мол, видите кошку здесь:
останусь без рубчиков, придётся её съесть!
Мол, голоден я, рубчики можно заменить
на рябчиков, и не надо меня клеймить.
Спасите, родные, кошку от меня. Она
Визжит и мяукает громко. В мешке хардкор: она не одна.
Иначе зверьков погрызу у всех на виду.

Вам что, денег жалко, никак не пойму?

«А ну, покажи», – нигилист, маловер и скептик вопят:

Сострадания к кошкам нет, а меня матерят.

Ошибка: не стоило пробуждать к животным печаль,
давить надо было сразу другую педаль.

Я – путь, я – истина, не по своей вине

in vino veritas кричу теперь на самом дне.

Ганна Шевченко / Владимир Буев / Мёд с корицей

Книга стихотворений

Редактор и составитель

Елена Пахомова

Дизайнер и автор концепции

Яков Красновский

Верстальщик

Катерина Мурашова

Технический дизайнер

Юрий Мосягин